

Эхо над бездной

16+

Дока Анастасия

Анастасия Константиновна Дока

Эхо над бездной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42185155

SelfPub; 2019

Аннотация

Взрыв автомобиля уносит жизнь сына известного бизнесмена. Что это: месть конкурентов или расплата за прошлое родителей? Почему посторонняя женщина представляется родной сестрой погибшего, и с кем ведет переписку его невеста? Частный детектив Александра приоткрывает завесу семейных тайн, даже не подозревая, что сама уже давно играет по правилам преступника. Человека, возомнившего себя самим Богом. Обложка нарисована автором.

Содержание

Часть Первая	4
Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 6	66
Глава 7	74
Глава 8	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Часть Первая

Возвращение

Глава 1

Румяные языки пламени поглотили белоснежную «ауди»: взрыв произошел больше двух часов назад, сразу после того, как Елесеев Роман Викторович провернул ключ в замке зажигания. От спортивного седана так же как и от его не менее спортивного владельца остались лишь пепел и воспоминания, но Диана об этом еще не знала, и в ту самую минуту, когда настойчивый ветер заметал следы трагического происшествия, стояла у открытого шкафа и в нерешительности рассматривала содержимое гардероба.

С Ромой они встречались уже год, и в целом он ей нравился. Он был щедр, умен и достаточно общителен, обладал неплохим чувством юмора и самоиронии, но больше всего ей нравилась его доброта и почти что детская непосредственность. К тому же внешне он был весьма хорош: высокий статный голубоглазый со светло-русой копной густых и вьющихся волос, но вот вкус в одежде отсутствовал. Но все же со стороны они с Ромой смотрелись великолепно и у них было немало общих интересов, включая музыку, романтиче-

ские фильмы, наблюдение за животными и еще оба любили комфорт и поспать подольше. В общем, такой мужчина ей вполне подходил, вот только был один момент, не дающий покоя: Рома казался ей слишком обычным. Слишком предсказуемым.

В конце каждого месяца, если у него не было командировки, они ездили в загородный коттедж его отца, расположенный неподалеку от города во Всеволожском районе, а раз в неделю мужчина дарил ей маленькие сувениры: очаровательных плюшевых медвежат известной марки и забавных ежат в смешных костюмчиках, статуэтки до слез милых котят и совят с огромными разноцветными глазами, букеты красных и изредка белых роз, кружевное белье ярких, нелепых расцветок, и, конечно, коробки конфет, чаще всего «Рафаэлло». Каждую пятницу Рома готовил для Дианы домашний ужин из тушеных овощей с розмарином и пряной курицей, а по субботам они ходили в кино на голливудские новинки, ели карамельный попкорн и запивали негазированной водой, а иногда персиковым нектаром, но это бывало редко. В его белоснежном, отполированном до блеска автомобиле всегда был наготове бежевый плед, которым он укрывал Диану после интимной близости. И еще он всегда целовал ее в лоб перед сном.

Если забыть о том, что секс в машине не доставлял ей ни радости, ни адреналина, а цвет белья всегда вызывал смех, то с Ромой действительно можно было жить, и, возможно, да-

же выйти замуж, родить ребенка и вместе состариться, но... Это «но» снилось ей каждую ночь на протяжении уже восьми лет, и у этого «но» были обсидиановые глаза. Именно они грезились ей в мечтах. Именно они являлись в кошмарах.

Женщина взглянула на дисплей мобильного: восемнадцать сорок. Рома опаздывал, что было на него совсем непохоже. Он относился к тем пунктуальным людям, что приезжали на место встречи на двадцать минут раньше, а на свидание являлись и вовсе исключительно за полчаса и всегда в отглаженной рубашке, брюках со стрелками, держа пышный букет возле лица. Решив, что мужчину задержали городские пробки, она вернулась к своему гардеробу. Сегодня они вновь, впрочем, как и всегда, собирались посетить «Летучий Голландец» – панорамный ресторан на трехмачтовом паруснике, расположенный на Мытнинской набережной. На самом деле это был не один ресторан, а целый комплекс, но они с Ромой ужинали только в одном из них, и это была «Терраса» – романтическое заведение в приятных бежевых тонах с камином в центре зала и живой музыкой по вечерам. В целом Диане там нравилось, хотя блюда, представленные в меню, уже слегка приелись, а лица официантов иногда являлись во снах. Она хотела бы побывать и в других местах, но Рому все устраивало, а она не хотела ненужных ссор. Да и разве ресторан, где ты ужинаешь имеет такое уж большое значение? Гораздо важнее с кем ты это делаешь, и Рома вполне подходил на эту роль: он всегда платил за двоих, не

задумывался о стоимости блюд и не противился ее желанию обязательно насладится десертом, даже если это лакомство на его взгляд было банальным. Тем более танцевальные навыки Ромы были вполне хороши, и они с Дианой могли долго кружиться и проделывать различные «па» возле догорающего камина – под дружелюбные взгляды персонала, каждого из которых ее спутник знал лично, но саму Диану никогда не представлял. Для работников она всегда оставалась милой девушкой и не более.

С Ромой было неплохо, не скучно и надежно. Но она почему-то все равно испытывала непреодолимую тягу его изменить, но лишь в своих фантазиях. В реальности она не делала ровным счетом ничего, убеждая себя, что спокойная и размеренная жизнь – это именно то, что ей нужно.

Диана остановила взгляд на длинном, почти до лодыжек, бледно-зеленом платье с непонятными рукавами-«фонариками» и неглубоким V-образным вырезом. Она получила его от Ромы в подарок на Восьмое марта и, несмотря на то, что ей самой оно не слишком нравилось, не сомневалась, что такой выбор удовлетворит мужчину. Она легко представила его реакцию – широкую белоснежную улыбку и благодарные слова: *«Спасибо, мой алмазик. Ты великолепна»*. Рома всегда называл ее «алмазиком» и никак иначе. К ее большому сожалению.

Она скинула шелковый халат с китайским узором и потянулась к вешалке с платьем как раз в тот момент, когда

в домофон позвонили. За все то время, что они были вместе, она так и не решилась на то, чтобы отдать Рома дубликат ключей. Эта уютная квартира в приглушенных розовых тонах была ее личным царством – убежищем, и пока она не была готова впустить сюда ни одного мужчину, даже такого замечательного как Рома. Они встречались в основном на его территории, но сегодня он обещал заехать к ней. Говорил о каком-то сюрпризе. Диана не сомневалась, что сюрприз окажется или красивой коробкой конфет или коробочкой с пестрым бельем, и поэтому без всякого энтузиазма подошла к домофону, но это был не Рома. Звонил посыльный. Улыбка проскользнула на ее коралловых губах, и почти что бегом она бросилась обратно к шкафу, надела тот же самый шелковый халат и в ожидании выскочила на лестницу. Предстоящий вечер уже не казался таким банальным. Похоже у ее чудесного мужчины появилась фантазия.

На кровати лежала небольшая коробочка бордового цвета. Диана с любопытством рассматривала кружевные ленты, замысловатым узором переплетающиеся по всей поверхности. Рома удивлял. Обычно он дарил алые или розовые и на них никогда не было дополнительных украшений.

Затаив дыхание, женщина сняла крышку. Сердце по непонятной причине учащенно забилося, когда взору предстало бархатное платье цвета спелой вишни. Если Рома собирался ее удивить, то ему это удалось. Наряд был великолепен и сел точно по фигуре. Кружевной верх открывал аккуратные ма-

ленькие плечи, затемненная талия подчеркивала стройность фигуры, а плиссированная юбка, едва доходящая до колен, была приятным и игривым дополнением. Уверенная в том, что Рома ожидает ее в машине, она выглянула в окно, но белоснежной «ауди» не было. Может, он решил изменить своей привычке и сейчас позвонит, чтобы сообщить, что ждет ее на месте? Но телефон молчал. Сама она звонить не хотела, да и не любила набирать номер первой. В конце концов, посылный мог Рому опередить, а тот вероятно еще находился в дороге, и Диана села ждать у окна, любуясь отражением в зеркальной поверхности шкафа и то и дело выглядывая во двор.

...

Время шло. Диана успела сделать подходящий к платью макияж, заплести волосы медового цвета в косу и найти среди целой коллекции платков и шарфов гармонирующий с вишневым цветом палантин. Она была готова к прекрасному вечеру, но звонка все не было. В начале восьмого нотки беспокойства начали звучать уже настойчивее, а к половине появилось отвратительное чувство чего-то неизбежного и жуткого.

О том, что в коробке есть двойное дно она поняла не сразу, случайно заметив слегка отклеенный уголок. Медленно приподнимая верхний слой плотного картона, она гадала, что же такое Рома мог спрятать? Фантазия рисовала разные золотые украшения, но то, что она увидела ее удивило. Это

был всего лишь лист, сложенный вчетверо, но он был испи-
сан пусть и немного изменившимся, но все же узнаваемым
почерком, от которого сердце неожиданно выбило рваный
ритм, а нахлынувшие воспоминания сбили жестокой волной.
Диана легко представила лицо человека, уничтожившего ее
обычный вечер. Перед взором в мгновение возникли и об-
сидиановые глаза и нежно-нахальная улыбка. Она буквально
видела, как *ОН* пишет эти строки, и, едва дыша, принялась
читать.

*Уверен, по Нему ты не станешь скучать так же сильно
как по Мне. Вы не подходили друг другу. Ты и сама понима-
ешь, что тебе нужен я, а мне нужна ты. И я сумею тебя
убедить в совершенной ошибке. Тогда, восемь лет назад, ты
решила исчезнуть из моей жизни. И у тебя это получилось.
Ты даже не представляешь, насколько тяжело мне было без
твоей улыбки, смеха, без наших невероятных приключений и
смертельных шалостей. Уверен, ты тоже скучаешь.*

*Но вот я тебя нашел: ты сменила фамилию, цвет волос и
даже глаз, но это такая мелочь – привычки, интересы, вку-
сы остались прежними. Я тоже почти не изменился, прав-
да некоторые перемены во мне все-таки произошли: я по-
взрослел и теперь точно знаю, что больше тебя никуда не
отпущу.*

*Помнишь, однажды ты задала мне вопрос, на который я
не смог ответить? Так вот теперь ответ мне известен. Я
говорю «да» и, чтобы доказать свою любовь, готов делать*

это снова и снова. Ты, конечно, догадалась, о чем я, не так ли? И еще, я предлагаю возобновить нашу детскую игру. Ты согласна?

P.S.: Жду твоего ответа. Посыльный придет завтра в это же время. И, кстати, если хочешь белье под новое платье, только скажи.

Ее била дрожь, а ноги подкашивались. *ОН* вновь вошел в ее жизнь, заставляя сердце биться раненой птицей. Диана чувствовала себя в золотой клетке и в то же время ощущала свободу. Это было жутко, необъяснимо и совершенно ненормально, но только рядом с *НИМ* она чувствовала себя, лишенной всяких условностей и даже морали – чувствовала невероятно свободной. В *ЕГО* черных как ночь глазах отражалась она настоящая.

Диана еще раз перечитала письмо. Каждое слово пугало до дрожи, и одновременно с этим волновало и почти что завораживало. *ОН* всегда действовал на нее таким образом. *ОН* был словно наркотик. От *НЕГО* была зависимость и нескончаемая боль. Но еще ее волновало где Рома и что значат эти слова? «Уверен, по Нему ты не станешь скучать так же сильно как по Мне.» И тут от внезапной догадки бросило в жар – Рома больше не вернется! Никогда. Он не просто опаздывал. Он был мертв. А вместе с этим осознанием пришло еще одно чувство: стыд захлестнул ее с головой. Припомнились теплые объятия Ромы, его нежные поцелуи в лоб, заботливые руки, нарезающие овощной салат, разговоры по но-

чам, его смешные истории во время их поездок на машине и даже бежевый плед, укрывающий ее разгоряченное и при этом дрожащее от необъяснимого холода тело. Ей нравились его интимные ласки и та любовь, которой были наполнены все его прикосновения. Какой же она была дурой. Почему ни разу не сказала ему, какой он замечательный, какой хороший?! Почему не дала понять, что не он ей не подходил, а она! Это она была слишком испорченной, слишком неправильной и, как бы не пыталась искоренить из себя все то ужасное, что было в ней с рождения, как не пыталась забыть все, что было раньше, так и не смогла. Это было сильнее ее. Это было внутри нее. Нет. Рома не заслуживал смерти, какой бы она ни была, даже если он умер безболезненно и быстро. Не важно. Он должен был жить долго и счастливо и найти достойную женщину. Он бы познакомил ее со своими родителями, и эта женщина сделала бы его по-настоящему счастливым. По-настоящему желанным. А теперь... Добрый и всегда нежный Рома будет лежать в темном гробу под сырой землей.

Диана швырнула скомканное письмо в сторону, обняла себя за плечи и закрыла глаза. Осознавать, что человек, с которым ты делила постель, мысли и частично страхи, мертвым было невероятно трудно, больно. Нестерпимо. Но понимать, что причиной его смерти явилась ты сама было просто дико. Если бы можно было повернуть время вспять, она бы все сделала иначе. Она бы говорила ему при встрече как он ей

дорог и как помогает справляться с ее собственными чертами. Она бы обязательно дала ему ключи от квартиры, и, конечно, согласилась бы познакомиться с его родителями. Она бы все сделала по-другому и вела себя иначе. Или нет? Разве, когда Рома засыпал в трусах, укрыв одеялом только ноги, потому что иначе ему спать было некомфортно, она не думала о том, что пора заканчивать эти отношения? Разве не порывалась после работы набрать номер и бросить Рому прямо по телефону, ничего не объясняя, потому что объяснять тут было нечего? Как можно сказать мужчине, что ты не хочешь с ним быть лишь потому, что тебя не устраивает спокойная и размеренная жизнь?! Как объяснить, что желаешь бездумной всепоглощающей страсти? Как сообщить тому, кто готов ради тебя свернуть горы, что все настолько хорошо, что хочется выть? Она не знала и поэтому молчала, убеждая себя в том, что нормальная жизнь ее устроит. Рано или поздно, но она станет такой как все. И она могла бы! Она хотела попробовать. Да, все-таки хотела. Рома был подходящим мужчиной и наверняка стал бы чудесным мужем, а все эти сны и воспоминания так или иначе перестали бы ее волновать. Но с появлением этого чертова письма вся ее жизнь снова полетела под откос. И самым ужасным было то, что ее это не расстраивало. В глубине души она радовалась такому исходу. Конечно, Диана никогда не желала Роме смерти! Однако в тайне всегда надеялась, что *ОН* вернется в ее мир. Не так. Нет! Конечно не так она представляла *ЕГО* возвращение. Но

это произошло.

Диана все еще дрожала, а сердце билось неровно. Мысли стремительно сменяли одна другую, норовя свести с ума. Наконец, она подняла лист с пола, бережно разгладила, а затем нежно прижала к груди. Бумага была гладкой и, казалось, пахла *ЕГО* туалетной водой: смесью цитрусовых, водной мятой и белым мускусом. Ей нравился этот аромат. А *ОН* никогда не изменял своим вкусам. Диана гладила кончиками пальцев бумагу и пыталась побороть те чувства, что разрывали ее изнутри. Она жалела Рому, жалела себя и чувствовала вину за все произошедшее. Она корила себя за те теплые воспоминания, которые мгновенно всплывали в памяти, стоило ей представить, как *ОН* подбирает слова, составляя это письмо, как тщательно выбирает платье, точно зная, что ей нравится, а что нет. Ясно видела *ЕГО* улыбку. Диана и сама улыбнулась, но, осознав неуместность подобной эмоции, постаралась ее подавить. Она подумала, что со стороны выглядит как сумасшедшая, и отчасти была с этим согласна. Горько и нелепо, но только сейчас она почувствовала себя действительно живой. *ОН* дарил ей это чувство. А еще она поняла, какой вопрос *ОН* имел ввиду. Однажды Диана в шутку спросила:

– И убить ради меня готов?

Тогда *ОН* не ответил. Теперь ответ был очевиден.

А потом Диана зарыдала.

Глава 2

Екатерина Капельникова была напугана. Она никому и никогда не желала зла, но кто-то явно хотел ей навредить и если не убить, то уж точно напугать до психбольницы, иначе как объяснить все эти венки и смс? На протяжении целой недели ей приходили странные сообщения на мобильный с незнакомого номера. Получив первое, Екатерина решила, что кто-то ошибся телефоном и не придала этому особого значения, но на следующий день это повторилось, а затем снова и снова. К тому же каждую пятницу на входной двери ее квартиры появлялся новый венок из васильков. Менялся лишь цвет: то васильки были глубокого синего цвета, то нежно-фиолетового, то розового, то почти бордового. Особенно ее напугал алый венок – он непроизвольно ассоциировался со смертью – тогда она и решила обратиться за помощью. Через подругу Ольгу узнала о частном детективе Александре Селиверстовой. Когда-то эта женщина помогла Ольге найти похищенного отца, владельца знаменитой питерской галереи. Подруга хорошо отзывалась о детективе и говорила, что ей можно доверять. Екатерина дружила с Ольгой еще со школы и поэтому не видела причины сомневаться в ее словах.

И вот прошло пять дней, как Екатерина познакомилась с детективом, а сегодня та, наконец, назначила встречу в сво-

ем агентстве «Александра».

– Катя, проходите, я сейчас доем, и мы с вами поговорим, – женщина дожевывала небольшой рулетик с маком.

Сердце сдавало эстафету, ладони вспотели. Неужели сейчас она все узнает? Воображение уже рисовало смертный приговор, и она слышала еще произнесенные слова детектива:

– Боюсь, вам придется покинуть город или даже страну. Дело серьезное – за вами охотится маньяк. Он предпочитает стройных зеленоглазых девушек с рыжими волосами. И, конечно, с музыкальным образованием. Вы подходите как нельзя лучше.

Она так взволновалась от собственных мыслей, что начала нервно крутить прядь волос и покусывать губы. Когда детектив доела выпечку, глаза Екатерины уже были на мокром месте. Она уже знала, что жизнь не будет прежней и без труда представила прощание с родными и друзьями. Она, наверно, переедет в Белоруссию. Там живет ее дальняя родственница по материнской линии, и, возможно, некоторое время она сможет у нее пожить, а потом найдет работу тем же репетитором по фортепьяно или устроится учителем в частную школу. Она уже отчетливо видела, как через полгода покупает однокомнатную квартиру и благодарит родственницу за гостеприимство, как ставит в новом жилье компьютерный стол и фортепьяно, диван и шкаф, развешивает картины постмодернистов и украшает кухню: занавески и всякие разные ме-

лочи вроде декоративных тарелок. Она бы могла еще долго представлять новую жизнь, но детектив, к ее страху, заговорила:

– Катя, вы знаете, что большинство болезней зависит от психоэмоционального фона? – Александра расположилась напротив и пристально смотрела на клиентку.

– Что, простите?

– Мы провоцируем свои болезни чрезмерной нервозностью, – пояснила женщина.

– Простите, но я не очень понимаю, о чем вы, – растерянно произнесла Капельникова.

– А богатая фантазия, как в вашем случае, – продолжала детектив, – усугубляет дело.

– Александра, я... Вы сказали, что готовы сообщить мне важную информацию, – Екатерина начала ерзать на стуле, – и раз вы переводите тему, то, видимо, дело совсем плохо, я права? Да, конечно, я права, – она подняла руку вверх и начала обмахиваться с такой силой, будто ей было жарко и находилась она не в помещении, где температура воздуха едва доходила до 22 градусов, а как минимум в Сахаре.

Селиверстова улыбнулась, и от этой вполне дружелюбной улыбки Екатерине стало совсем не по себе. Она чувствовала, что еще чуть-чуть и сойдет с ума. И почему здесь так жарко?!

Александра вздохнула:

– Вот об этом я и говорю, посмотрите на себя: еще минута и свалитесь без чувств. Вы, небось, уже нафантазирована-

ли, что за вами гонится какой-нибудь маньяк, продумываете план побега и мысленно попрощались с близкими.

– А разве это не так? – дрожащим голосом спросила клиентка.

– А с чего вы пришли к такому выводу? – с любопытством поинтересовалась детектив.

– Но эти смс и венки...

– Сбили вас с толку, – заключила Селиверстова, – вы слишком впечатлительны и у вас прекрасная фантазия и, к сожалению, в данном случае последнее является минусом.

– Я не такая уж и впечатлительная! – от прозвучавшего высказывания почему-то стало обидно, все еще обмахиваясь и гордо вздернув голову, Екатерина заявила по-прежнему улыбающейся Александре, – я, знаете ли, не боюсь ни зомби, ни вампиров, ни тем более темноты. Я даже не плачу, когда смотрю мелодрамы! – и уже спокойнее добавила, – почти... изредка. Но я не слишком впечатлительная, нет. Вы ошибаетесь.

– Пусть так, – примирительно сказала детектив, – но во время нашего знакомства вы сразу мне расписали привычки человека, который присылает эти странные подарки. Более того, вы предположили, подождите, прочитаю, – и она, выдвинув ящик стола, вытащила лист. – Итак, с ваших слов: этот маньяк молод, весьма привлекателен, и наверняка в детстве был любимчиком в семье. Все и всегда исполняли его прихоти, и он считал себя самым умным и вообще особенным.

Клиентка потупила взгляд. Она никак не могла понять, к чему клонит женщина и причем здесь ее фантазия? Неужели нельзя поскорее вынести и без того очевидный смертный приговор и дело с концом! Зачем детектив ее мучает? Она ведь действительно сейчас сойдет с ума от всех этих недомолвок! К чему весь этот разговор?!

Похоже, Катя, вы меня совсем не слушаете или не хотите слушать, – Селиверстова убрала записи, – и думаете вы явно не о том.

– Я не понимаю, что вы от меня хотите, – клиентка уже чуть не плакала, – я всего-то предположила, что этот человек может быть таким. Я напугана и не знаю, возможно, мы возвращаемся в одном кругу, и, возможно, этого мужчину я даже хорошо знаю. От этого становится еще страшнее. Маньяк ходит рядом! Скажите уже все как есть и разойдемся!

Детектив вздохнула:

– В двух вещах вы действительно оказались правы.

Екатерина затаила дыхание, но так и не перестала обмахиваться.

– Это действительно мужчина и вы знакомы. Но он не маньяк, однако, на мой взгляд, надо быть ненормальным, чтобы таким образом проявлять свой интерес к столь впечатлительной женщине, как вы.

– Интерес? – Капельникова была в замешательстве, – вы хотите сказать, что этот мужчина испытывает ко мне...

– Большую симпатию? – хмыкнула Селиверстова, – нет,

он в вас безумно влюблен, так что можете не нервничать и перестаньте обмахиваться, а то ненароком простудитесь, утрите слезы и успокойтесь. Сейчас я все объясню.

Клиентка послушно выполнила указания. Ее лицо наконец перестало кривиться от надуманного страха, а голос больше не дрожал.

– Вы уверены, что не ошибаетесь и мне ничего не грозит? – спросила она, кусая губы.

– Почему же? Грозит. Я думаю, вы ответите ему взаимностью, и у вас состоится пышная свадьба.

Екатерина часто-часто заморгала. Эта женщина над ней смеется, не иначе, издевается! Детектив уже не вызывала и доли симпатии.

Александра вновь улыбнулась:

– Не переживайте, Катя, все не так страшно, но давайте начнем по порядку, – и с этими словами она протянула клиентке исписанный разноцветными маркерами, лист.

– Что это? – удивленно спросила та.

– На этот вопрос вы должны ответить сами, – очередная улыбка.

– Но вы сказали, что все объясните! – Капельникова снова махала рукой перед лицом.

– Возможно, Катя, вы и сами все поймете, прочитайте, что здесь написано. Можете не вслух. Это не так сложно и довольно увлекательно. Я уверена – вы справитесь.

Екатерина дрожащими пальцами взяла лист. Селиверсто-

ва наблюдала. Она действительно не сомневалась, что клиентка сама обо всем догадается. Да, для своих двадцати шести лет она была чрезмерно, неумеренно инфантильной и явно жила в собственном выдуманном мире, но ожидать иного от творческих людей и не приходилось. Все поэты, художники, актеры, музыканты были излишне эмоциональны. Чересчур нестабильны. Но сидящая перед ней женщина, помимо прочего, была хорошо образованной и, так же, как и сама Александра, любила отдохнуть с книгой. По этой причине она и не хотела все разжевывать: прийти к правильным выводам по данному делу можно было довольно легко – стоило только забыть о всяких маньяках и голливудских историях.

– Александра! Я узнала эти слова, – возбужденная Екатерина ткнула пальцем в нужное место на бумаге. – «Я не стану думать об этом сейчас – это слишком неприятно. Я подумаю об этом завтра». Это цитата из «Унесенных ветром», – она заулыбалась словно ребенок, постигший некую тайну. Детектив тоже улыбалась.

«Отринь отца да имя отмени, А если нет, меня женою сделай, Чтоб Капулетти больше мне не быть» – это из «Ромео и Джульетты», так, дальше: «Мечты, мечты, Где ваша сладость?» – женщина задумалась, – кажется «Евгений Онегин», да, точно! «Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык!»

– Похоже на «Мастера и Маргариту»... и эта тоже, – Ка-

пельникова пробежала глазами по тексту и добавила, – да, большинство из этих цитат мне действительно знакомы, но при чем здесь смс? Или вы хотите сказать, что они тоже цитаты из каких-то книг? Да? Я права? Это цитаты?

Селиверстова кивнула.

– Но я не знаю этих книг. Возможно, я когда-то их и читала, я много читаю, но эти слова напрочь стерлись из памяти! – Екатерина вернула лист, – и все-таки я не понимаю, что значат эти послания? Мне кажется в них нет смысла.

Александра вытащила другой лист и на этот раз положила его на стол. Женщина узнала те самые до жути пугающие сообщения.

– Взгляните еще раз, – попросила детектив, – теперь, зная, что это цитаты из книг, они вам ничего не напоминают, может какие-то фильмы?

– Не знаю, – Капельникова снова начала нервно крутить рыжую прядь, покусывать губы, но, к радости Селиверстовой, не обмахиваться, что порядком раздражало и спустя пару мгновений все же ответила. – Нет, боюсь, что с этими произведениями я не знакома.

– Хорошо. Тогда не буду вас больше мучать. И поберегите свои волосы, а то ненароком окажетесь лысой. – Александра наклонилась и принялась тыкать в бумагу, – смотрите, первое сообщение: «Вы – как китайская шкатулка. Вынимаешь одну коробочку, а в ней другая. И так без конца». Это не слишком распространенная, но все же довольно известная

цитата из книги Джона Фаулза «Коллекционер». Вам о чем-то говорит это название?

– Да, я слышала об этой книге и пару лет назад начинала ее читать, но она оказалась для меня слишком тяжелой.

Детектив кивнула:

– Идем дальше: «Нет такой человеческой фантазии, которую бы реальность не превзошла играючи».

– Этой точно не знаю, – с уверенностью заявила клиентка, – это тоже что-то из Фаулза?

– Нет. Это из книги «Парфюмер. История одного убийцы».

Екатерина округлила и без того большие выразительные глаза:

– Я смотрела этот фильм. Жуть! Надеюсь остальные смс не цитируют какого-нибудь Ганнибала Лектера?

– Ганнибала нет, – улыбнулась Селиверстова, – но все цитаты из триллеров и детективов.

– Почему? – искренне удивилась клиентка, – ведь я не люблю эти жанры!

– Вероятно, их любит ваш тайный воздыхатель, – ответила Александра, – вы готовы продолжить?

– Да, но... – женщина снова выглядела растерянной, – может вы объясните, как все эти фразы взаимосвязаны?

– На самом деле все довольно просто, – улыбнулась детектив, – сравнение со шкатулкой говорит о вашей женской многогранности и загадочности. А «реальность, превосходя-

щая фантазию играючи» о том, что он и в самых прекрасных мечтах не мог представить столь удивительной женщины. Далее цитата из книги Паттерсона «Целуя девушек»: «Ты хочешь знать больше – тебе хочется знать все и сразу». Признаться, здесь я немного помучилась, поскольку подобные слова встречаются в сотне произведений, если не в тысяче, но поскольку все остальные фразы из триллеров и детективов, то варианты сократились, к тому же в выборе книг тоже кроется подтекст. Но давайте по порядку.

Заинтригованная и чуть менее напуганная Екатерина кивнула.

– Эта фраза говорит о том, что он в курсе вашей любознательности и даже любопытности, а еще знает о том, что вы пытались выяснить, кто он и были близки к разгадке.

Клиентка молчала. Пока она не понимала о ком речь, но становилось все интереснее.

– «Если ты не признаешься... в своих чувствах, это не значит, что у тебя их нет», – это цитата из книги «Американский психопат». Ее, я думаю, разъяснить не надо.

– Боже, – еле слышно пролепетала Капельникова, – так этот мужчина что, все-таки псих, да? Я права?

– В каком-то роде да, – согласилась Селиверстова, – но не в том жутком смысле, в котором вы думаете. Значение фразы вы поняли?

Женщина задумалась:

– Он не говорил мне о чувствах?

– Именно, – детектив выглядела довольной, – продолжим?
Кивок.

– Далее идут цитаты из Агаты Кристи: «В наши дни преданность не так часто встречается». Здесь, собственно, намек на его преданность. «Современные молодые люди невероятно распушены – стоит только посмотреть на их манеры, да и вообще по всему видно...» Такая формулировка говорит о том, что сам он является человеком немолодым. Я бы предположила, что ему не меньше пятидесяти. И последняя: «Однако женщинам угодить трудно». Это значит, Катя, что он ни раз проявлял к вам знаки внимания, но вы ждали чего-то, скажем так, более интересного. Возможно неожиданного.

Александра замолчала, выжидающе глядя на клиентку. Екатерина тоже молчала. Она была поражена и, кажется, догадывалась кем может быть ее тайный воздыхатель.

– Так что бояться его не стоит. Вашей жизни ничто не угрожает, – подвела итог Селиверстова.

– Но почему он выбрал именно эти книги? Они ведь мрачные и... – женщина сглотнула и затем добавила, – и там убивают.

– Я думала над этим вопросом и понять его мотив не так сложно, как кажется. Во-первых, с уверенностью в сто процентов я готова утверждать, что этот человек любит перечисленные книги. Не думайте, что подобная литература обязательно должна привлекать людей неадекватных и склонных

к агрессии, и чтобы точно поменять ваше мнение, а то я вижу недоверчивость в глазах, скажу: я и сама поклонница таких историй. И мистические книги, к слову, тоже вызывают во мне живой интерес. Объясню свой выбор. В подобных жанрах всегда есть интрига, загадка, всегда нужно думать, предугадывать. Если хотите, эти книги не только интересны, но и полезны для ума – они как своеобразная разминка.

Капельникова молчала. Наверно в случае с детективом это и нормально читать, собственно детективы, но что может быть привлекательного в триллерах? Она ни одного не смогла досмотреть до конца, не то чтобы прочесть! Слишком тяжело – больно. Александра тем временем продолжала:

– Думаю, вашему поклоннику не чужд азарт. Ему нравятся неожиданные повороты и загадки и причин этому может быть уйма, но об этом вам лучше узнать у него самого, а во вторых, он очень хотел привлечь ваше внимание. Судя по всему, на обычные подарки или комплименты вы не слишком реагируете.

– Это правда. Я не люблю банальности, – клиентка слегка смутилась.

– Значит в своих расчетах поклонник не ошибся: он сумел не только привлечь ваше внимание, но и поразить.

Про себя Екатерина подумала, что он вполне мог довести ее и до психбольницы, но промолчала. В общем и целом, детектив была права.

– У меня есть еще и третье предположение. Думаю, этот

человек не только желал вас максимально удивить, но и показать себя, а точнее свою интеллектуальность и оригинальность, хотя, на мой взгляд, здесь больше самолюбования и романтизма. А выбор книг собственно намекает не просто на его влюбленность: он помешан, в хорошем смысле этого слова, однако я подобного не понимаю.

– Он вам не нравится, – догадалась женщина.

– А вам? – детектив откинулась на спинку стула.

Клиентка не ответила, но на ее губах проскользнула легкая улыбка. Александра вздохнула. Дело окончено, а в своей личной жизни этой женщине придется разобраться самой.

– И последний вопрос: это вы все из книг поняли, да? Я права? Вам пришлось перечитать много литературы?

Селиверстова не сдержала смешка:

– Литература и немного «гугла».

Екатерина тоже рассмеялась, затем поблагодарила детектива за помощь и даже обняла на прощание, напомнив, что обговоренную сумму за услуги уже перечислила на карту. Женщина уже собралась уходить, как вдруг вспомнила важную деталь:

– Ой! А что насчет цветов? Венки принято носить на могилы. Причем здесь я?

– Об этом, Катя, вы тоже можете не беспокоиться: у древних славян венок имел много значений, в том числе он означал слияние единства и совершенства.

– Так я для него совершенна, – мечтательно проговорила

Капельникова.

«Или он имеет ввиду себя», – подумала Александра, но решила не расстраивать клиентку.

Глава 3

После работы Александра договорилась встретиться с другом Иваном Резниковым. Раньше они работали вместе: она – следователем, он – криминалистом; их тандем и тогда был весьма удачен – ничего не изменилось и после того, как она стала частным детективом. Между ними было понимание, доверие, и они больше пяти лет были друзьями. Он называл ее «Пулей», она его – «Бризом».

Они шли по еще мокрому асфальту – дождь закончился недавно, и скромно выглянувшее солнце едва успело высушить землю. По дороге тут и там встречались большие и маленькие лужи, а по ним пробегали солнечные зайчики. Воздух опьянял свежестью, и Александра улыбалась, глядя на неспешно плывущие облака разнообразной формы. Она видела гигантскую собаку, медведя с медведицей, лебедя с очень длинной тонкой шеей и что-то похожее на огромную конфету с ручками. Разглядывая редкие силуэты прохожих, держащих за ножки разноцветные зонты, детектив представляла, куда эти люди идут. Представляла, как выглядят их дома. Иван долго следил за ее мимикой и наконец решил, что у подруги неплохое настроение, а значит настал подходящий момент, чтобы заговорить о том, о чем он думал уже два дня.

– Слушай, Пуля, у меня завтра выходной, – начал он, чуть сбавив шаг, – может сходим на «Убийство в Восточном экс-

прессе»?

– Почему бы и нет? Книга прекрасна, – воодушевленно ответила Селиверстова, – так что взглянуть на новую голливудскую интерпретацию будет любопытно.

– Отлично. Во сколько завтра заканчиваешь?

– Эх, – она вздохнула, – не поверишь, у меня завтра тоже выходной: ни одного дела! – и разочарованно добавила: – Скука.

– Тогда в два?

– Согласна, – Александра снова вздохнула, – тебе тоже нечем меня порадовать?

– Боюсь, что нет. Вчера в своей собственной машине взорвался бизнесмен Роман Елесеев, но этим делом сразу занялось Управление по особо важным делам. Все-таки парень был фигурой известной и достаточно богатой. Насколько я знаю его сестра наняла какого-то крутого частного детектива, так как не верит, что взрыв был подстроен конкурентами.

То, что Бриз назвал кого-то другого крутым детективом ее покорило, но она сделала вид, что все в порядке и поинтересовалась:

– А почему сестра так уверена, что это не конкуренты? Какие-то улики?

– Не знаю, – пожал плечами Иван.

Детектив задумалась. Елесеевы были богаты, а красавец Роман был известен как щедрый бизнесмен и каждый год участвовал в благотворительных акциях – полгода назад

прошла как раз одна из них: собирали средства для детей больных раком. Елесеев был как раз тем человеком, кто подарил фонду «Радость каждому» баснословную сумму. Что касается его сестры Ирины, то здесь все было наоборот. Журналы все время писали о том, насколько она скупа, а значит обращение к частному детективу было обоснованным. В глазах Александры загорелся азартный огонек:

– Бриз, а ты можешь достать мне материалы по делу погибшего?

Он задумался и спустя минуту ответил:

– Не думаю. Посторонних не подпускают к расследованию. Единственный вариант пообщаться с тем самым детективом.

Селиверстова нахмурилась – к «крутому» детективу она уже заранее была настроена враждебно.

– Не лучший вариант. А что насчет любовных связей Елесеева? Если это не конкуренты, то возможно обиженная женщина.

– О личной жизни ничего не известно. Елесеев тщательно скрывал свои связи, поговаривают, что он платил за молчание.

– Как ты думаешь, почему?

– Может он предпочитал мужчин?

Александра рассмеялась. Версия Бриза была забавной, но интуиция подсказывала, что она неверна.

– Или он банально не хотел «светить» личными отноше-

ниями.

– В конце концов, Пуля, это не наше дело, так что можешь не ломать голову.

Он остановился, она сделала тоже, затем Иван взял ее за руку и сочувственно произнес:

– Хочешь я поспрашиваю насчет нераскрытых дел за прошлый год? Вдруг найдется что-нибудь интересное? Помнишь историю про ювелира, умершего якобы во сне?

– Помню, это дело раскрыли еще месяц назад.

– Я могу покопаться в архиве, – не отступал друг.

Но Александра его уже не слушала. Все ее мысли были о деле Романа Елесева. Иван это понял и тяжело вздохнув, отпустил ее руку:

– Управление тебя вряд ли подпустит близко, но, если тебе так нужно, я могу попытаться выяснить номер детектива.

Селиверстова скривилась, но, чтобы не обижать Бриза, согласна кивнула.

Они и не заметили, как дошли до ее дома. Александра взглянула на темные окна квартиры и неожиданно ощутила грусть.

Иван будто почуял перемены в ее настроении:

– Может тебе завести питомца? Будет встречать после работы.

На самом деле он хотел сказать совсем другое: мужчина уже так давно желал, чтобы они были вместе, так хотел в очередной раз помечтать, но запретил себе это делать. Они были

прекрасными друзьями. Он был благодарен и за это. Слабо улыбнувшись, пояснил:

– Кошку или собаку.

– Лучше зайдем и поужинаем, не зря же я всю неделю рылась по сайтам, изучая тонкости и премудрости такого занятия, как кулинария – между прочим, сегодня все утро готовила. Оценишь.

И тут Иван от удивления чуть не потерял дар речи:

– Ты... ты готовила?! Я не ослышался?

– Я же говорю. Ску-ка!

...

Они часто сидели на ее кухне. Бриз всегда приносил что-нибудь к столу, и они вместе наслаждались едой, обсуждая дела, но на этот раз все было по-другому. У него в руках был только зонт и никаких угощений, тогда как на столе вместо привычных сладостей стояла тарелка с чуть теплыми котлетами, на плите возвышалась кастрюля с давно остывшим картофельным пюре, а из сковороды выглядывали аппетитные и румяные драники. Иван не верил своим глазам: за все то время, что они были знакомы, в холодильнике Пули из съестного находились максимум остатки колбасы и сыра. Да что там! Он понятия не имел, что подруга умеет готовить! Аромат еды тут же вызвал слюноотделение, и Иван опустился на стул. Прогулка возбудила зверский аппетит, а еще ему безумно хотелось попробовать то, что приготовила Александра. А вдруг такой возможности больше не предста-

вится?

Селиверстова тем временем сняла крышку с кастрюли, придирчиво заглянула внутрь, понюхала содержимое и констатировала:

– Пюре испортилось, а вот драники вполне съедобны. Еще в холодильнике есть крабовый салат, – открыла дверцу, – и я испекла булочки с маком, его маловато – не рассчитала, но десерт потом.

Он не мог поверить своим ушам и потрясенно произнес:

– Похоже ты действительно умираешь от скуки.

– Не то слово, – она вытащила из пакета хлеб и достала тарелки. Иван тем временем разложил остальные приборы.

– Драники или салат? – уточнила Селиверстова, насыпая в чайник заварку с апельсином и клубникой.

– Поскольку я до сих пор нахожусь в некотором шоке, то, пожалуй, рискну и попробую и то и другое, – Бриз улыбнулся.

Она пожала плечами и вытащила миску с салатом из холодильника.

– Майонез закончился. Сметана подойдет?

Друг кивнул.

Они перебрались в гостиную, прихватив кружки с чаем и тарелки с ароматной и блестящей от сливочного масла сдобой. Расположились на диване и начали болтать с таким оживлением словно не виделись месяц, а то и больше, хотя по факту последняя встреча состоялась всего-то на про-

шлой неделе. Иван сообщил о том, что его родители провели отпуск в Таиланде: видели настоящих крокодилов, катались на слонах, кормили обезьян, пробовали какие-то экзотические фрукты, плавали в теплом как парное молоко море и в итоге им все понравилось до такой степени, что решили повторить поездку в следующем году. Похвастался покупкой сверхмощных музыкальных колонок в автомобиль и признался, что от их звучания у него закладывает уши. Посмеялись и друг пообещал демонстрацию этого чуда техники.

Александра рассказала, что от скуки прочитала уже десять книг, пересмотрела старого и нового Шерлока и к тому же съездила в гости к родителям: у ее мамы был день рождения, но и этот, казалось бы, замечательный день не обошелся без ссоры. Не спас даже подарок – дочь вручила сертификат в спа-салон, о котором давно мечтала ее мама. Иван не стал выспрашивать подробности, он и так знал, что Пуля ни с отцом, ни с матерью не ладили с того самого момента, как она сообщила, что будет работать в полиции. Сергей Витальевич считал, что это не женская профессия и подыскивал дочери «нормальную» работу, а Кира Андреевна попросту хотела внуков. Сама она всю жизнь была домохозяйкой и того же хотела для Александры. Дочь взглядов не разделяла, и из-за этого они постоянно ругались. Дошло до того, что Селиверстова и вовсе стала избегать родителей: на звонки не отвечала, сама не звонила и в какой-то момент отношения рас-

калились так сильно, что когда-то самые родные люди стали встречаться лишь по праздникам, а созваниваться в случае крайней необходимости. Иван сочувствовал их семье, но помочь ничем не мог.

Время шло: они обсудили рождение пятерых щенков ротвейлера у одного из знакомых следователей, вспомнили о бывшем начальнике, сбежавшем за границу после того, как узнали о его преступных связях, посмеялись над нелепыми ситуациями, в которые частенько попадал общий знакомый с кафедры судебно–психологической экспертизы, поговорили о новом начальстве в лице хмурого, но честного Алексея Георгиевича. Затем Иван еще раз восхитился неожиданно открывшимся для него кулинарным талантом подруги и попросил разрешения забрать оставшиеся рулетики с маком домой, а та, не противясь, пообещала, что если не удастся заняться делом Елесеева, то научится печь еще и торты. О том, какой она была сладкоежкой знали все бывшие коллеги. Бриз тоже был равнодушен к десертам, но его любовь не шла ни в какое сравнение с тягой Селиверстовой – у нее и день не проходил без чего-нибудь, насыщенного глюкозой.

За разговорами оба не заметили, как на улице снова забарабанил дождь, тучи под своей серостью спрятали вечернее небо, не оставив ни единого светлого кусочка, и к тому моменту, когда чаепитие повторилось, а беседа плавно перетекла в пересказ сплетен, блуждающих в отделении – расходиться ни ему, ни ей уже совсем не хотелось. Мысль, кото-

рая могла спасти ситуацию пришла в голову одновременно обоим.

– Может сыграем в «Клюэдо»? – рассмеялись.

Настольную игру в детективном жанре Александре подарил Кирилл Андреевич Анюхин. Он работал в лаборатории почерковедческой экспертизы. Селиверстова ласково называла его дедушкой и ни столько из-за разницы в возрасте, сколько из-за их теплых, едва ли не родственных отношений. Почти три месяца назад она помогла бывшим коллегам раскрыть преступление, в котором убийцей выступал двадцатилетний парень, помешанный на настольных играх. Обвинялся внук лучшего друга Анюхина. Александра нашла доказательства его непричастности и отыскала истинного преступника. В благодарность старик подарил ей «Клюэдо».

Конечно, играть в любую настольную игру интереснее всего в большой компании, но было уже поздно звать кого-то из знакомых и поэтому пришлось играть вдвоем. Игра тем самым, на взгляд Селиверстовой упрощалась, но все-равно оставалась довольно-таки любопытной, к тому же лучше так, чем сидеть одной.

В последнее время детектив все чаще и острее воспринимала одиночество. Возможно, дело было в материнских словах: упреки в ее неудавшейся личной жизни постоянно звучали где-то на задворках сознания. Она говорила себе, что все в порядке, но где-то глубоко в душе понимала, что отчасти мать права и семейный уют совсем не лишний. Иногда хоте-

лось, открывая дверь, видеть счастливое лицо того, кто тебя с нетерпением ждал. Кого-то, кто любил. А может причина заключалась в ее однообразных буднях: скучающий без дела мозг из-за нехватки так ему необходимых загадок начинал сходить с ума и думал о всякой ерунде, вроде этой, но, так или иначе, оставаться одной совсем не хотелось и поэтому сейчас она с большим удовольствием раскладывала фишки, карты и другие элементы.

Они сыграли три раза. Каждый пытался мухлевать, чтобы запутать соперника. Дважды, и так совпало, что в обоих случаях в образе «Галины Голубевой» убийцу находила Селиверстова и один раз Иван, он же «Дмитрий Горчичников». Орудиями преступления оказались подсвечник, яд и бита. Убийства были совершены в холле, на террасе и в гостиной. Игра могла бы пойти и по четвертому кругу, но Бриз не желал злоупотреблять гостеприимством подруги. В начале первого они все-таки разошлись. Он вызвал такси, поскольку его машина была в ремонте – что-то с коробкой передач – и уехал, поцеловав на прощание в щеку.

Грусть не преминула о себе заявить, едва шаги растворились в лестничных пролетах, а когда брендированный автомобиль исчез из поля зрения, мгновенно навалилась тяжелым грузом. Александра понимала, что уснуть ей вряд ли удастся и поэтому села за ноутбук. Игра подняла настроение, но совсем немного, и она решила заняться тем, что действительно вызывало в ней живой интерес – покопаться в исто-

рии Елесеевых: дело о взрыве ей казалось невероятно увлекательным.

Глубокая ночь уже давно укутала шелковым покрывалом город и зажгла на улицах фонари, а детектив так и не нашла ничего, чтобы хоть как-то объяснило поведение сестры погибшего, но по какой-то же причине Ирина все-таки обратилась к частному детективу? И Александра не могла об этом не думать – она сгорала от любопытства. Селиверстова понимала, что обязана выяснить мотив женщины и, уже засыпая, вспомнила о знакомой журналистке. Интуиция безапелляционно заявляла, что та обязательно откопает любопытную информацию, и, несмотря на позднее время, детектив отправила сообщение, а после, так и не дождавшись ответа, еще долго сидела у экрана, изучая различные статьи, и останавливая взгляд даже на тех материалах, что были лишь косвенно связаны с семьей бизнесмена.

Глава 4

О том, что Рома погиб во время взрыва в своей собственной машине, Диана узнала из выпуска «Новостей» и проревела несколько часов. Этого не должно было произойти! Это было просто невозможно. Она пересматривала ту короткую вереницу фотографий, что были на телефоне и всхлипывала, вспоминая о нем: добром и нежном.

Первый снимок: они сидят на его кухне с отделкой из современной плитки сложной геометрической формы и пьют шампанское из бокалов, которые вместе выбрали в одном из элитных магазинов посуды. В тот вечер Рома обещал отвезти ее в Италию и показать самые лучшие виноградники. Следующий кадр – лежат в постели, и он целует ее в плечо. В тот день Рома подарил ей смешное ярко-оранжевое белье с белым кружевом. А здесь идут к белоснежной «ауди» и в руках он держит два билета на выставку знакомого художника: картины были действительно замечательные, и одну из них он хотел вручить Диане, но она объяснила, что такое богатство никак не впишется в ее простую квартиру. Сидят в ресторане, танцуют под медленную композицию, целуются возле салона красоты, стоят у витрины магазина с ювелирными украшениями, кормят друг друга тортом. Смеются. Снова где-то целуются. Диана вытерла слезу, закрыла галерею, не в силах больше смотреть на Ромино лицо и, подавив тяже-

лый вздох, перешла к чтению смс. Он всегда писал ей после деловых переговоров: сообщал, как все прошло и говорил, как по ней скучает, желал удачного дня и спокойной ночи; когда был в командировках – присылал влюбленных котиков, а когда она задерживалась с ответом – обиженных енотов. Писал о любви. Смс закончились, а Диана продолжала тупо смотреть в экран – сердце отказывалось верить в происходящее. Не сдерживая слез, женщина отодвинула мобильник, уткнулась в подушку и ревела белугой, сетуя на свою жизнь. На свою судьбу. Когда рыдания перешли во всхлипы и возникла икота – поплелась на кухню, залпом опустошила стакан воды, а вернувшись, обессиленно рухнула на кровать и заснула.

Ей снился их запланированный, но несостоявшийся отпуск. Они были в Италии, но смотрели не на виноградники, а на море. Рома предложил поплавать, и не дожидаясь ее согласия, бросился в воду прямо так, не сняв ни шорты, ни цветастую футболку. Диана собралась последовать его примеру, но тут налетело цунами, а потом все вокруг завертелось, и она начала стремительно падать в глубокую яму.

Проснулась от собственного крика и еще долго не могла прийти в себя. Слезы душили, мысли сводили с ума. Она ненавидела себя за то, что не уберегла Рому. За то, что вообще с ним познакомилась.

В обещанное время явился курьер, о котором Диана уже и позабыла. Паренек лет двадцати ждал письма, но она не на-

писала ни строчки и попросила передать на словах, что *ОН* не прав, и им лучше друг друга забыть. Да, она действительно считала, что так будет лучше. Ночью она еще раз все обдумала и пришла к неутешительному выводу: пора все-таки оставить прошлое в прошлом, пусть оно и притягивает подобно магниту. Курьер ушел, Диана закрыла дверь и бросила усталый взгляд в зеркало. Выглядела она ужасно: мешки под глазами, осунувшийся овал лица. Роме бы она сейчас не понравилась, хотя нет – ему она нравилась всегда. Она невольно вспомнила его реакцию на маску для лица. Он улыбнулся и сказал, что ему нравится исходящий от нее сладкий медовый аромат, а потом они занялись любовью. Он был нежен, впрочем, как всегда и не требовал от нее ничего взамен.

Диана скучала по Роме. Когда он был рядом, ей порой казалось, что он занимает слишком много места, отнимает слишком много времени, а теперь ей было неуютно от той пустоты, что, казалось, заполнила и дом, и саму душу. Она отчаянно захотела съездить на его квартиру, укутаться в его вещи, вдохнуть их аромат, но не решалась. Дубликат ключей манил из коридора, но Диана понимала, что эта поездка будет неправильной, да и чувство вины заставляло оставить подобную затею.

Она заварила кофе такой же крепкий, как любил Рома и села на кровать. Похороны были уже завтра, и она не была уверена, что готова на них идти. Ей необходимо было собраться с мыслями. Собраться с духом. Ей придется взгля-

нуть в глаза его родителям и сестре. Но как? Как это сделать, когда чувствуешь себя убийцей? Снова. Как в тот злополучный вечер десять лет назад. Нет. Она не должна об этом вспоминать. Это страшное воспоминание похоронено в надежном месте, о котором знает она и мужчина из прошлого, но тот никогда ее не предаст. *ОН* будет молчать, так же как и она. Обоюдная клятва. И вспомнились окровавленные ладони.

...

На обгоревшее лицо, пусть и тщательно обработанное гримом, было страшно смотреть. Елесеевы зачем-то решили прибегнуть к услуге «Улыбка усопшего», и теперь лицо Ромы выглядело, как жуткая и несуразная маска: не так он улыбался, совсем не так. Диана никогда не могла спокойно смотреть на мертвецов. Она отводила глаза и сейчас. Все было как в тумане. В происходящее не верилось, пелена слез застилала глаза, но плакать больше не было сил, и влага просто копилась внутри, создавая иллюзию миража: Диана с трудом видела, как самые близкие люди провожают Рому в его последний путь. Вместе с ними, едва разбирая дорогу, она дошла до кладбища. Гроб медленно опустили в землю, и каждый по очереди бросил горсть земли. Она была последней. Чуть склонилась над гробом и едва не упала. Голова внезапно закружилась – весь мир завертелся вокруг. На трясущихся ногах отошла в сторону и прислонилась к соседнему надгробию. На нее никто не обратил и малейшего внимания, и

она остро ощутила одиночество, а затем вернулось чувство вины. Оно было всепоглощающим и таким сильным, будто грудь сжали в тиски на пару мгновений. Постепенно дыхание восстановилось, и, прижимая руки к неровно бьющемуся сердцу, она проследовала к лимузину, в котором уже сидела Ромина семья.

Диана впервые была в доме его родителей, но рассматривать со вкусом обставленное и невероятно богатое помещение не было сил. Она медленно опустилась на стул с резной спинкой, а сестра Ромы тем временем сновала туда-сюда, расставляя на большом столе блюда с аппетитной едой, но вот Диане есть совсем не хотелось. Она могла бы помочь Ире, но не решалась заговорить, к тому же она не знала, как именно нужно расставлять еду. Ира явно соблюдала определенные правила: по правой стороне стола поочередно располагались фарфоровые тарелки с горкой из бутербродов с красной и черной икрой. По левой – хрустальные вазы с разнообразными овощными салатами. Середину стола украшали два больших блюда с куриными бедрышками под сырно-луковой шубкой, а у каждой тарелки стояла маленькая пиала с маслинами и блюдце с ажурными блинами. Из напитков был персиковый нектар, компот из лесных ягод и графин с водой.

– Здесь все, что любил Ромочка, – тихо проговорила его мать и спрятала лицо в ладонях. На кладбище она держалась изо всех сил, но больше сохранять спокойствие не мог-

ла: беззвучные рыдания сотрясли ее худое, словно высохшее тело, и Диане стало неловко от того, что она стала свидетельницей этой глубоко личной сцены. Она посмотрела на проходящую мимо Иру и спросила:

– Где у вас туалет?

– Я провожу, – буркнула та, и они вместе вышли из комнаты.

Проходя по длинному коридору в другой конец дома, Диана с интересом и грустью рассматривала многочисленные фотографии маленького Ромы, развешанные в хронологическом порядке вдоль одной из стен. Маленький сверток на руках у счастливой белокурой женщины. На снимке она стояла у роддома: слегка располневшая в красивом платье с кружевными вставками, подчеркивающим налитую грудь и слегка обвисший животик. На этой фотографии не было ничего общего с той бледной женщиной с пустым взглядом, что сейчас сидела за столом. Затем были фотографии, как Рома лежит в кроватке, держит бутылочку, кусает игрушку, первый раз держит ложечку, кидается яблочным пюре, натягивает шапочку на ножку, расчесывает волосики зубной щеткой, жует яблоко.

После снимков в младенчестве следовала череда воспоминаний из детского сада: Рома рисует, катает машинки, внимательно слушает, как воспитательница читает книгу, бегаёт на территории сада, собирает осенние листья, катает большой грузовик, обменивается с каким-то мальчиком иг-

рушечными солдатиками, вставляет руки-веточки снеговика, и так еще не менее десяти фотографий.

Диана удивлялась, почему не было ни одного снимка с Ирой. Хотела спросить, но передумала. Все время, что они шли по коридору сохранялось молчание, а когда нужная дверь оказалась в метре от них, Ира неожиданно заговорила:

– Ну что, насладились увиденным?

– Что? Ир, прости, я не очень понимаю, о чем ты говоришь.

– Да ладно! Все ты понимаешь. Здесь нас никто не услышит, так что можешь честно признаться.

Диана искренне удивилась:

– В чем?

Ира скривилась:

– В том, что ты виновата в его смерти. Ты ему не подходила. Никогда. Не понимаю почему он хотел на тебе жениться. Ты такая... – она задумалась, а потом выплонула, – простая.

– Жениться? – переспросила Диана. На ее лице отразилось неподдельное изумление.

– Он не предлагал мне...

– Потому что не успел, – она подошла вплотную и добавила: – Но знай, как бы там ни было, ты здесь никто. И больше тебе здесь появляться не стоит. Никогда. Ты ни копейки не получишь, а кольцо я оставлю себе. Иди, – и с этими словами Ира подтолкнула ее к двери.

Диана закрылась на замок и, утирая руками непрошенные

слезы, опустила на пол. Она слышала стук удаляющихся каблучков, но выходить не хотела: не желала возвращаться в комнату и смотреть на скорбные лица, не желала сидеть за столом и молчать, как будто в этом молчании крылось некое спасение, потому что это было не так! Спасения не было. И Ира это доказала. Она винила ее в смерти брата. Может, так же считают и родители? И что теперь делать? Вернуться как ни в чем не бывало и делать вид, будто ты часть этой семьи? Семьи, которую совсем не знала, с которой не хотела знакомиться? Имела ли она право вообще здесь находиться? В конце концов, она была никем: так, женщиной, которая не могла найти себя в жизни и поэтому пыталась найти поддержку в замечательном и добром Роме, а тот всегда был рядом. Всегда давал ей уверенность в завтрашнем дне. Но для собравшихся здесь людей она вряд ли что-то значила, да и знала Диану одна Ира и та, как оказалось, ее ненавидела.

Она вспомнила взгляд жестких серых глаз и решилась.

«Я скажу, что у меня ужасно заболела голова и мне нужно домой».

Так она и сделала.

Отец Ромы любезно согласился вызвать для нее такси и предложил оплатить поездку, но она отказалась. Мать долго сидела молча, потом поднялась из-за стола и неожиданно обняла.

– Дианочка, ты должна быть сильной, – прошептала она и дрожащим голосом добавила, – здесь тебе всегда рады. Я

знаю, что Ромочка тебя очень любил.

Диана окончательно растерялась.

Такси она ждала на улице в одиночестве. Когда подъехала машина, и женщина уже собралась сесть на заднее сидение, из дома выбежала Ира. Она схватила Диану за руку и рывком отдернула от автомобиля.

– Что-то случилось? – растерянно спросила та.

– Случилось, – Ира до боли сжала ее руку, – хочу, чтобы ты уяснила – я знаю о тебе достаточно, чтобы превратить жизнь в ад. Никогда больше здесь не появляйся и не смей разговаривать с нашими родителями. И помни: за Рому я готова убить.

Ира отпустила ее руку и быстрым шагом вернулась в дом, а Диана медленно открыла дверцу и опустилась на сидение. Ее всю трясло.

...

Остаток дня она пролежала в кровати, укрывшись сразу двумя одеялами – ее бил озноб. Телефоны разрывались от звонков: сначала мобильный, потом домашний. Диана знала, что звонят коллеги, желая узнать, как она себя чувствует и вызывала ли врача, но снова врать про осложненную простуду не хотелось, поэтому женщина продолжала лежать, зарываясь все глубже в одеяла, накрывая голову подушкой и пытаясь заснуть.

В шесть вечера позвонили в домофон. Она никого не ждала, но, возможно, это был кто-то с работы, и поэтому Диана

все же поплелась в коридор, но это снова был посыльный.

– Извините, но я уже все сказала.

– Это прощальное письмо, но, если вы хотите, я уйду.

– Открываю в последний раз, – устало бросила она и нажала на кнопку.

На этот раз письмо было в блестящем бежевом конверте. На месте адресата было написано «От меня», а там, где получатель «Тебе». И более мелкими буквами «С любовью». Сердце невольно сбилось с ритма, и Диана принялась читать, с каждым словом все больше чувствуя непреодолимую тягу к человеку из прошлого. К тому, кого всегда считала родным.

Как Ты? Не стану рассказывать о том, насколько Меня расстроил твой ответ. Я просто хочу знать, все ли с тобой в порядке. Сегодня состоялись похороны. Уверен ты была там. Ты его не любила, но все же вы были вместе. Конечно, он тебе не совсем чужой. На похоронах всегда тяжело: все эти убитые горем лица, слезы, дрожащие руки, срывающиеся голоса. Как ты пережила все это? Я жалею, что меня не было рядом. Ты плакала? Не надо. Все будет хорошо. А ты помнишь наше знакомство? Меня тогда покорила твоя светлая улыбка и заразительный смех. Я хочу, чтобы ты как можно чаще смеялась. Хочу, чтобы ты была счастлива.

Ты сказала, что нам нужно забыть прошлое, но у меня это не получается. Как можно забыть нашу с тобой любовь, поддержку, понимание? Нас так много связывает...

Но раз ты хочешь, чтобы я исчез, так и быть, но помни, я всегда рядом и готов тебя выслушать. Сейчас у тебя нелегкий период. Не впадай в депрессию из-за этого бизнесмена. Посмотри добрую комедию, сходи в театр, на аттракционы, не сиди дома, а если хочешь мы можем сыграть в нашу старую игру. Она точно поможет тебе забыть весь пережитый ужас.

Ну ладно, пора прощаться. Если ты хочешь, чтобы все закончилось, я готов уйти, но все же не забывай, что если тебе не с кем поговорить, то ты всегда можешь мне написать.

P.S. Прощай. И кстати, сегодня я ходил на наш любимый фильм. Новая современная версия. Актеры сыграли великолепно, особенно... Ладно. Прощай.

Диана закрыла глаза и опустилась на подушку. Как же ей было плохо. Как же она по *НЕМУ* скучала. Одиноко, грустно, больно и совершенно не с кем разделить разрывающие ее изнутри чувства. Она хотела поговорить о Роме, рассказать кому-нибудь о своем больном, но таком дорогом прошлом. Хотела поддержки. Но общих знакомых у них с Ромой не было, с коллегами по работе она не откровенничала и получалось, что все переживания оставались ей одной. Это было нестерпимо тяжело. *ОН* был прав, она могла впасть в депрессию. Но *ОН* этого не хочет, и Рома бы этого не хотел. Надо же, Рома хотел сделать ей предложение... Она была в шаге от нормальной жизни, но, увы, этот шаг оказался невозмож-

ным. Накатывающая волна грусти и скорби вновь начала накрывать с головой, и Диана начала злиться и на себя, и на свою судьбу, и почему-то на Рому. Ей просто необходимо было с кем-то поговорить, забыться или хотя бы отвлечься.

Она медленно поднялась с кровати, взяла мобильный, не просматривая, удалила все пропущенные звонки и открыла один из сайтов с фильмами. Возможно, идея с комедией не такая уж и плохая, а через полтора часа уставшая от бессмысленного просмотра, Диана взяла лист и принялась писать:

Мне так тяжело... Так плохо... И знаешь, Игорь, ты не имел права уничтожить мою жизнь! Ты не прав. Но Бог тебе судья. Не думай, что мой ответ дает тебе какую-то надежду, а мне... Мне нужно с кем-то поговорить, иначе боюсь, что сойду с ума.

Знаешь, я чувствую свою вину, и сестра Ромы Ира тоже ее чувствует. Она мне угрожала и сказала, что знает обо мне предостаточно. А что, если ей известно о том страшном вечере, когда... Нет, даже думать об этом страшно. Лучше расскажи о себе: как живешь, что в жизни нового?

Так и началась их переписка. А вскоре началась и игра.

Глава 5

Бриз всегда выполнял обещания, и теперь номер детектива лежал на столе Селиверстовой: спустя целых три дня, но лучше поздно, чем никогда, однако звонить она не собира-

лась. Пока. Самой узнать что-то мало-мальски интересное ей так и не удалось, а журналистка попросила пару дней, поскольку была в командировке. Умирая от скуки, Александра сходила с Бризом на «Убийство в Восточном экспрессе» и, к своему глубокому сожалению, не получила никакого удовольствия: актер, выбранный на роль Пуаро, ей не приглянулся, и в целом экранизация показалась нудной, зато после просмотра они неплохо посидели в пиццерии и насладились «Маргаритой» совсем не дурного качества. Селиверстова прочитала пару книг Герритсен и начала «Сто лет одиночества» Маркеса, дважды попыталась испечь «Наполеон», но торт ей так и не поддался, принялась за «Медовик» и тот получился сразу. Просмотрела цикл передач ВВС о животном мире и разгадала несколько японских кроссвордов. И вот, наконец, в один из таких дней раздался спасительный звонок той самой журналистки: к облегчению детектива, она сумела выяснить некоторую информацию о семье Елесевых, и теперь Александра могла приступить к настоящему делу. Узнать удалось следующее.

Виктор Владимирович Елесеев был третьим в роду владельцем строительной компании «Большой Город»: до него владельцами были его дед и прадед. Пять лет назад Виктор Владимирович сделал своего сына Романа главным компаньоном. Ни в каких теневых сделках ни отец, ни сын замечены не были. Дела вели успешно, и на данный момент общая сумма доходов семьи составляла не менее шестидесяти

миллионов в год. Поговаривали о том, что Елесеев старший владеет сетью подпольных казино, но слухи не оправдались.

Его супруга Анна Андреевна получила в наследство от отца Юрина Степана Степановича сеть магазинов «Уют». На данный момент в ее владении было около сотни магазинов по всему миру. Один из них, расположенный в Швеции, и еще два в Америке были закрыты в январе этого года в связи с введенными против России санкциями. Ни в каких махинациях или теневых сделках так же не была замечена.

Роман Викторович Елесеев единственный ребенок в семье. До того, как стал главным компаньоном отца в строительной компании «Большой Город» работал младшим консультантом в фирме по недвижимости «Атилла». Имел привод в полицию за драку с сыном известного бизнесмена Кириллом Евгеньевичем Павловым. Дело уладили в семейном кругу. Известно, что семья Павловых обладает скандальной репутацией и на данный момент сын имеет уже пять приводов в полицию.

Что касается личной жизни Романа, то известно оказалось немного: в старшей школе был влюблен в Пронину Елизавету Дмитриевну. Отношения продлились три года. Расстались по причине переезда Елизаветы в другой город. На последнем курсе СПбГУ встречался с Китовой Анжеликой Вениаминовной, больше известной, как скандальная ютуб-блогер «Певица с Длинными ресницами». Встречались год. Причиной расставания стал Кирилл Евгеньевич Павлов.

И на этом информация заканчивалась. Ни слова о сестре Романа, что было крайне странно. Александра еще раз пересмотрела электронную почту. Может, сведения об этой женщине шли в приложении или отдельным файлом? Нет. Пусто. Детектив набрала номер журналистки и нетерпеливо стала ждать, покачиваясь из стороны в сторону. После пятого гудка ответили:

– Привет. Говорить могу не больше минуты. У тебя что-то срочное?

– Насчет той информации, что ты прислала... Это точно все? Ты не могла чего-то упустить? Или может кого-то?

– Я поняла о чем ты. Скину смс. Все, до связи.

Прошло не менее получаса, когда долгожданное сообщение наконец высветилось на экране:

«Нет информации об Ире, так как ты просила сообщить факты, касательно семьи Елесеевых. Ира к ней не относится. Она неродная дочь. Ее фамилия Пассажинова. Если тебе нужны сведения и о ней – дай знать, и я завтра пришлю материалы. Все. До связи».

Александра отправила положительный ответ. Вот это новость! Такого она не ожидала. Не ожидала она и того, что Ира лже-Елесеева окажется дочерью человека, с которым она однажды встречалась. Конечно, фамилия могла быть простым совпадением, но в такое совпадение Селиверстова не верила.

...

Около года назад в агентство «Александра» обратился пожилой мужчина. Он был излишне упитан, лыс и выглядел крайне нервным. Его пальцы все время отбивали чечетку, а маленькие чуть раскосые серые глаза то и дело рыскали по сторонам. Этот человек не производил ни плохого, ни хорошего впечатления – он не производил вообще никакого впечатления. Она и имени – то его не запомнила: то ли Михаил, то ли Матвей, а фамилия осталась в памяти только благодаря ассоциации с недавно прочитанной книгой: там, как раз рассказывалось о синдроме «пассажира без багажа», поэтому детектив и запомнила фамилию непримечательного мужчины – Пассажиров. История этого клиента тоже казалась не то, что не интересной, а из разряда тех сказок, что придумывают люди, желающие заработать деньги посредством шантажа.

Он говорил, что его дочь в возрасте пятнадцати лет заявила, что не хочет больше оставаться в семье, где живут от зарплаты до зарплаты и сбежала из дома. Первые дни они с женой, которая уже тогда болела, не волновались, так как дочка часто сбегала из дома, а потом она позвонила и сообщила, что теперь живет в Петербурге, нашла новых родителей и в Сертолово не вернется. Родители думали, что это злая шутка и продолжали ждать. Вскоре жена умерла. Несчастный отец позвонил дочери, и та бросила, что очень ему сочувствует, но возвращаться не собирается, извинилась за все, пообещала, что обязательно вышлет деньги и отключилась. Он зво-

нил каждый день, но отвечали одно и то же: «Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Мужчина стал пить. Его выгнали с работы, он лишился квартиры и выжил лишь благодаря сердобольной сестре. Дочь решил вычеркнуть из жизни. Стал отшельником и полностью повис на шее родственницы, но однажды у той сдали нервы – она поставила ультиматум: или ее брат начинает новую жизнь, или он будет жить на улице. Выбора у него не оставалось.

А потом он увидел по телевизору свою дочь: теперь та жила под новой фамилией, к тому же изменила цвет волос, прическу, но родительское сердце не обманешь, и тогда отец решил во что бы то ни стало заработать денег, переехать в Петербург и... выпороть дочь. Но это оказалось практически невозможно. Семья, в которой теперь жила его девочка, была богатой и известной – так легко не подберешься. Это была семья Елесеевых.

Конечно, тогда Александра посчитала все это бредом человека, желающего обогатиться, шантажируя известного бизнесмена, но в свете новых событий ее мнение в корне поменялось. В тот день она отказалась браться за дело Пассажинова, несмотря на то, что он обещал взять кредит и расплатиться с ней вовремя. Теперь она об этом жалела. Но, к счастью, отчаявшийся отец оставил тогда номера своих телефонов: домашний и мобильный. Конечно, за год мобильный мог поменяться, а сам Пассажиров мог вернуться в Серто-

лово, но Александра надеялась, что удача ей улыбнется. Тогда, не желая обидеть мужчину, она все же записала данные в свой телефон, но вот под каким именем?

Надо сказать, что записная книжка у детектива была огромной, и многие клиенты значились под пространными словосочетаниями, наподобие «Матьхуд». В этой игре слов могла разобраться одна Селиверстова, и сейчас, листая книжку, она вспоминала, что «Матьхуд» – мать художника, а в памяти мгновенно возникал и образ клиентки, и детали дела, «ЖЖаба» – жертва похитителя, назвавшегося «Жабой», а «Сахарнпара» напоминала о поисках убийц, представляющихся влюбленными. Но вот как она могла назвать непримечательного Пассажинова с его нереальной историей? По фамилии никого похожего не нашлось, записи «Отецшантаж» или чего-то хоть как-то напоминавшего о том деле тоже. Может она и вовсе удалила контакт? Но нет, интуиция подсказывала, что сделать этого она не удосужилась, закрутилась, замоталась и так и оставила ненужный ей номер.

Александра небрежно разорвала упаковку с овсяным печеньем и снова принялась за поиски. Она остановилась на букве «С». Редко попадающиеся кусочки шоколада тем временем таили во рту, а контакты становились все заковыристее: «Солнечный», «Сестракрови», «Самура», но ни одно из них не подходило, и вот наконец Александра увидела знакомое слово «Сиротала». Ну конечно, как она могла забыть?! Сиротала – это одно из старых названий Сертолово, и детек-

тив набрала номер мобильного. Тишина звенела напряжением, и после трех попыток Александра решила позвонить на домашний. К ее счастью не скоро, но все же ответили.

– Да, – голос звучал отстраненно и тихо.

Александра судорожно пыталась вспомнить имя женщины, но поскольку в голове вертелось слишком много вариантов, то произнесла то, в чем была уверена на сто процентов:

– Пассажиров?

– А вы кто?

– Частный детектив Александра Селиверстова. Вы год назад обращались в мое агентство по поводу пропавшей дочери.

Тишина превысила весь лимит напряжения. Александра уже и не рассчитывала на ответ, когда мужчина сказал:

– Теперь вы мне верите, – голос прозвучал грустно, с усмешкой.

Александра испытала легкий укол совести, но, в конце концов, тогда, год назад у нее была масса интересных дел, а Пассажирову с его маловероятной историей просто не повезло и ответила:

– Мне бы хотелось встретиться с вами.

– Вы знаете, как мне увидеться с дочерью?

– Пока нет, но если вы сообщите мне нужные сведения, то эта проблема станет решаемой.

Мужчина устало вздохнул:

– Я все уже рассказал. Что еще вам нужно знать? Что она

неблагодарная дочь?

– Давайте встретимся, и я вам все объясню.

Снова тишина, а потом совсем тихо:

– Я подъеду к вам завтра после трех.

– Отлично и захватите, пожалуйста, пару семейных фотографий.

...

У Александры уже созрел план: довольно рискованный, но этот риск был оправдан, и если дочь Елесеевых и дочь Пассажинова – это одна и та же женщина, то вполне вероятно в семье найдутся и другие тайны. Велика вероятность, что Романа убили из-за одной из них.

На столе было разложено около десяти снимков и на каждом запечатлена серьезная девочка с чуть раскосыми серыми глазами и квадратным подбородком. Детектив сверяла фотографии с распространенными в сети изображениями и приходила к выводу, что Ира совершенно не изменилась. Смена каштановых волос на русые и стрижка каре прибавили ей пару лет и все. Если об этом забыть, то факт становился очевидным: Пассажинов не лгал – его дочь действительно жила в чужой семье.

– И что теперь? – устало поинтересовался мужчина, – вы предъявите эти снимки Ирке?

– Не вижу в этом необходимости, – ответила детектив, – собственно, они нужны были мне, но это еще не все.

Александра поднялась из-за стола, поставила электриче-

ский чайник и спросила:

– Вы чай пьете?

– Да, но может вы все-таки объясните зачем попросили меня приехать? Вы что-то придумали?

– Да, – ответила она, доставая из ящичка стола две упаковки с «Юбилейным», – но мне нужна от вас определенная информация. Я хочу, чтобы вы рассказали какие-то личные факты, воспоминания, о которых известно только вашей семье и больше никому.

– И тогда вы поможете устроить встречу с Иркой? – в его голосе проскочила надежда, тонкая и едва уловимая, будто бы он и сам не верил в то, что эта встреча вообще может состояться.

Александра задумалась:

– Понимаете... – неожиданно она вспомнила его имя, – Макар Семенович, прежде всего мне нужно поговорить с ней самой, а потом уже я попытаюсь решить вашу проблему. Я не обещаю, что Ира согласится на разговор с вами, но то, что вы ее увидите гарантирую.

Он вздохнул и тихо сказал:

– И на том спасибо.

Его глаза вмиг погрузнели, и Александре показалось, что мужчина готов заплакать. Этого ей не хватало! Утешать мужчин она никогда не умела. К счастью, все обошлось, он еще раз вздохнул, а затем почти что нежно произнес:

– Знаете, я всего лишь хочу ее обнять. Хочу спросить по-

чему она бросила нас с матерью. Хочу... попросить прощения.

– За что?! – детектив не сдержала эмоций, – За то, что она, как вы сами сказали неблагодарная дочь? За то, что на похороны не приехала?!

– Вы, конечно, правы, – он ссутулился, тяжело вздохнул, поднял голову и отсутствующим взглядом устремился в потолок, – но прежде всего она моя дочь, какой бы она ни была.

От этих слов сердце Александры защемило. Как бы она хотела услышать подобное от своих родителей, но нет: ни отец, ни мать никогда ее не понимали и дело было не просто в выборе профессии – они изначально представляли жизнь дочери иной. Она им «не угодила, не оправдала надежд», как часто выражалась мать. «Не смогла стать их гордостью» – так однажды сказал отец. Детектив почувствовала жжение в глазах: непрошенные слезы норовили вырваться наружу, но она не могла позволить себе этой слабости, а поэтому дерзко произнесла:

– А в прошлый раз вы говорили, что хотите ее выпороть. Макар Семенович снова посмотрел на Александру:

– За это время эмоции поутихли. К тому же, судя по тому, что я слышу с экрана, она живет вполне счастливо. Для любого отца это главное.

Она снова подумала о своей семье. Почему ее родители не придерживались такого же мнения? Почему каждый разговор с ними заканчивался одинаково: скандалом, обидой и ее

бессонными ночами в размышлениях о собственной жизни? Когда случилось так, что они стали совсем чужими? С семьей Пассажириных все ясно: девочке не хватало денег, она мечтала о другой жизни. Но чего не хватает ее собственным родителям? Почему они не ценят того, какой она стала? Чем она их обидела? Тем, что живет по-своему, а не по их указке?

Из размышлений ее вырвал голос Макара Семеновича:

– Простите, ради бога, а чай можно? В горле пересохло.

– Да, конечно, – она виновато улыбнулась и достала из ящика два пакетика с бергамотом, затем сняла с полки две большие кружки и налила горячей воды.

– Угощайтесь печеньем, – Александра пододвинула одну из пачек, – сладкое у меня есть всегда.

Макар Семенович улыбнулся и надкусил печенье:

– Знаете, мы с Ирккой всегда любили сладости. Помню, сядем вечером ужинать и вместо того, чтобы есть приготовленный женой картофель с мясом, уплетаем зефир. Люська моя ругалась, а мы с Ирккой смеялись, а чтобы жена не обижалась – шли мыть посуду. Знаете, Саша, можно я буду вас так называть? Саша?

Она кивнула. Этот человек вызывал в ней все большую симпатию.

– Иногда Ирка вела себя нормально, бывало и нежность проявляла. Редко, но такое случалось.

Он снова погрустнел, и детектив решила перевести разговор в нужное русло:

– Вы говорите любили вместе есть зефир. Может у вашей дочери были какие-то особые предпочтения?

– Да нет. Она ела и шоколад, и вафли, и конфеты разные. Все любила.

– И все-таки может было что-то особенное? Я, к примеру, больше всего люблю бисквитные торты и все, что связано с шоколадом, но абсолютно не приемлю конфеты с коньяком.

Макар Семенович задумался:

– Знаете, Саша, если так повспоминать, то да, действительно, была у нее слабость, но было это в детстве, и сейчас ее вкусы могли измениться, но вот раньше она прожить не могла без изюма. Могла горстями его есть.

– Интересно, – Александра взяла со стопки чистый лист, из ящика достала зеленую ручку и начала делать записи. – Может что-то еще вспомните? Любимая игрушка, мультфильм?

Он медленно пил чай, размышляя над ее вопросом, затем взял второе печенье и ответил:

– Да, знаете, вот вы спросили, и я вспомнил. Она очень любила мультик о «Золушке»: зарубежный яркий такой и у нее была любимая кукла со светлыми длинными волосами. Ее звали Маша, точнее звали-то ее Маша, но Ирка до шести лет не выговаривала «ш» и поэтому называла ее Маша. Так эта кукла навсегда и осталась Масей. Она до сих пор хранится у меня.

– И вы ее не выбросили после всего того, что ваша дочь

сделала?

– Нет. Мася мне дорога как воспоминание.

Александра не сдержала глубокого вздоха. Вот как должны любить отцы своих детей. Вот чего ей всегда хотелось самой: любви и уважения.

– Хорошо. Может еще что-то вспомните? Чем больше фактов мне удастся узнать, тем больше шансов доказать, что она ваша дочь.

– Доказать? Звучит совсем не обнадеживающе.

– И все же.

Макар Семенович снова принялся за чай:

– Не знаю, что еще вам сказать. Дочь моя, по сути, такая же, как все, но более своенравная. Учиться не любила, читать тоже: ни сказки, ни какие другие книги, а вот собирать всякие безделушки – это да. У нее была целая шкатулка с разными колечками и другими такими штучками.

– В детстве почти все девочки увлекаются бижутерией. У меня тоже такая была, – она улыбнулась.

– Вот видите, Саша, ничего особенного.

– А какие-нибудь внешние особенности? Веснушки, родинки, может шрамы?

– Надо подумать... Но знаете, что я вспомнил: у нее была жуткая аллергия на арахис.

На следующий день на почту пришло письмо о Пассажировой. Полученная информация привела в восторг: Иру часто видели в компании с известным мошенником Весело-

вым Михаилом Дмитриевичем. Конечно, эти данные семья Елесеевых пыталась скрыть, но журналисты на то и журналисты, чтобы выяснять то, что хранилось под замком. История становилась все интереснее. У Александры возникло предположение: *« А что, если Веселов и Ира связаны со смертью Романа Елесеева? Учитывая, что Веселов несколько раз обвинялся и в мошенничестве, и в гибели ряда бизнесменов, это становилось вполне возможным. Что касается Иры, то она могла ненавидеть «брата» по причине, предположим, ревности или, что скорее, финансовой зависти. Никто ведь не знает, действительно ли теплые отношения в семье и сколько еще малопривлекательных тайн они хранят? »*

Безусловно, пока это были просто размышления, но то, что Елесеевы что-то скрывали – факт, да и история с Пассажировой заслуживала пристального внимания.

Глава 6

Понемногу, но Диана приходила в себя. Игорь уговорил ее выйти на работу и прислал оформленный больничный, благодаря чему с начальством не возникло никаких проблем. Он советовал интересные театральные постановки и выставки, и Диана всегда ходила туда, куда он рекомендовал, и все было бы нормально, если бы по ночам не снился Рома.

Они снова были в Италии: летали на самолете, ходили в самый известный оперный театр мира «Ла Скала» и наслаждались произведениями Дюма и Виктора Гюго; гуляли по улицам Милана и Неаполя, пробовали изумительные блюда, а по вечерам сидели в уютных двориках и пили сладкие бархатистые вина, закусывая свежей клубникой и свежеспеченным хлебом. И эти сны можно было бы считать светлыми и вполне счастливыми, если бы не одно «но»: каждый раз сны заканчивались одинаково – Рома исчезал в дали или уплывал в море, а она падала в какой-то бездонный колодец.

Каждый раз Диана просыпалась от собственного крика. Каждый раз ее губы дрожали, повторяя одни и те же слова: – Я не хочу, не хочу. Я не виновата!

Потом она уже по традиции надевала зеленый шелковый халат с китайским узором, тот самый, что так нравился Роме, и шла на кухню пить крепкий кофе: две ложки молотого арабики без горки, пол чайной ложки сахара и стручок ва-

нили. Закуской служил бутерброд с вишневым джемом – вот и весь любимый Ромин завтрак.

Затем женщина шла к нетбуку и писала Игорю письмо: теперь им не нужен был посыльный – они перешли на электронную почту. Этими письмами Игорь очень ей помогал, можно сказать, он возвращал Диану к нормальной жизни.

Она рассказывала обо всем: о том, что ела, как одевалась, где была, как провела день, рассказывала о своих снах, и, конечно, они обязательно говорили о детстве: вспоминали и приятные моменты, и грустные.

А еще они играли.

Игра называлась «Я выбираю...» и заключалась в следующем: каждый по очереди выполнял задание, выбранное другим. С детства у них повелось так, что начинала всегда Диана. К примеру, она говорила:

«Я выбираю мороженое. Хочу то, которое купит первый человек в магазине».

И он должен был любым способом достать это мороженое: купить, отобрать, выпросить, обменять. Способ выбирал тот, кто выполнял задание. И в детстве эта игра казалась забавной: Диана просила мягкого бегемота, и он обменивал игрушку у соседской девчонки на коробку шоколадных конфет. Игорь выбирал машинку, и она слезно выпрашивала ее у мамыной подруги, работающей в магазине детских товаров. Она называла тетрадь с Чиполино, и он воровал ее с прилавка одного из рынков. Игорь хотел парусник, и Диана рисова-

ла ему на альбомном листе парусник.

Но потом задания стали другими. В возрасте пятнадцати лет Диана все так же просила сладости, игрушки, одежду и еще косметику, а вот Игорь стал называть странные вещи. Он говорил:

«Я выбираю жука. Хочу того, что уже не дышит».

И Диана шла в специализированный магазин и покупала чучело. Потом он как-то сказал:

«Я выбираю крысу. Хочу ту, у которой нет половины хвоста».

Сначала Диана растерялась, но потом взяла лист и нарисовала эту крысу. А Игорь между тем становился все изобретательнее: просил раздавленного червяка, бабочку с оторванным крылом, лягушку без глаз, живую рыбу в алых каплях. Диана не знала, что и думать. Она спрашивала, зачем ему эти зверства, и он на все находил разумное объяснение. Например, Игорь говорил:

« – Ди, подумай, кому нужны все эти червяки, жуки, крысы? От них один вред, а еще они нагоняют на людей страх. Вспомни маленького Андрюшку. Ты видела, как он испугался, когда увидел червяка на своем ботинке? Червяка не стало, и Андрюшке нечего бояться.

– Да, наверно ты прав. Но причем здесь бабочки? Тебе их совсем не жалко?

– Они живут от нескольких часов до нескольких месяцев. Два крыло или одно, имеет ли это значение, если их жизнь

так коротка?

– Но им больно!

– А ты уверена, что они чувствуют боль?

– Ну, я не знаю. Наверно.

– Вот и я не уверен, зато точно знаю, что выполненное тобой задание меня очень порадовало. Спасибо, Ди».

После его благодарности она больше ничего сказать не решалась. Действительно, какая разница что происходит со всеми этими созданиями, если ее любимый Игорь доволен? Никакой. И долгое время она так и считала. Но потом они подросли, он очень изменился, и детская немного дурацкая игра приобрела пугающий характер.

Поворотным моментом стал день его рождения. По давно сложившейся традиции они праздновали его вдвоем: Диана покупала кремовый торт, обязательно с шоколадной прослойкой, и они съедали по два кусочка, затем вручала Игорю открытку с пожеланиями и что-нибудь из одежды – в тот раз это была рубашка оттенка крем-брюле. Потом они включали любимую музыку, танцевали до упаду, а ближе к вечеру шли гулять. Всегда пешком. Всегда на дальние расстояния. Чаще всего возвращались после часа и проводили страстную ночь. Но в тот раз все было немного по-другому: во время прогулки Игорь предложил поиграть, говорил, что это желание именинника, и Диана обязана его исполнить. Она согласилась и улыбнувшись, сказала:

«Ну, тогда я выбираю шоколад с арахисом».

Игорь купил его в круглосуточном магазинчике. Диана приготовилась к выполнению чего-то в том же роде, но неожиданно он заговорил об одном из своих однокурсников.

« – Знаешь, Ди, Славка Кондрашов меня просто бесит! Он все время хвалится тем, со сколькими девчонками переспал. После каждой пары рассказывает о своих секс-похождениях, говорит, что ни одна не может ему отказать.

– Почему ты об этом рассказываешь?

– Потому, что я выбираю Славку. Хочу, чтобы ты прилюдно его отшила, ну и как бонус к моему дню рождения добавила, что в постели ты его присутствия и не заметила».

Отказаться она не могла, в конце концов это всего лишь игра, не более. Их игра. И пока возвращались домой, Диана пыталась придумать, как это задание изменить. Она предложила Игорю альтернативу: она скажет, что отказывается встречаться со Славкой, потому что тот из себя ничего не представляет, но Игорю идея не понравилась – он хотел, чтобы она сделала все именно так, как он сказал, и в итоге они поссорились – Диана кричала, что никогда не сможет унизиться даже ради любви к нему, а он за это вlepил ей пощечину.

Она лежала и плакала, а Игорь срывал с нее одежду. И целовал. Так он пытался попросить прощения. Так он доказывал свою любовь. И ему это удалось. Та ночь стала самой страстной из всех.

На утро Игорь принес ей завтрак в постель. Пытаясь уго-

дить, он приготовил ее любимые сырники, кофе с карамельным сиропом и гренки с корицей и сахаром. Затем долго извинялся, обещал, что больше никогда не поднимет руку и весь день делал все, чтобы ей было хорошо. И Диана его простила: Игорь вспылил, не сдержался, такое с любимым могло случиться, но по иронии на следующий день ей на почту пришло долгожданное письмо из частной клиники с результатами уровня ХГЧ – так она узнала, что беременна, и это поменяло все. Диана поняла, что в ее положении малейшее волнение может сказаться на ребенке, а жизнь с Игорем была сплошным взрывом эмоций, к тому же что будет если он снова поднимет на нее руку? И Диана приняла решение. В одну из его ночных смен она собрала вещи и ушла. Остановилась в захудалой гостинице с неработающим кондиционером: пролежала без сна в номере, где по стенам тут и там бегали тараканы, а на следующий день купила билет в один конец, таким образом Диана покинула Тверь и оказалась в Петербурге.

В незнакомом городе и всего с пятью тысячами на руках приходилось нелегко. Первое время она была вынуждена жить у тетки, с которой они никогда особо не ладили, и подрабатывать уборщицей в одной дешевой парикмахерской. Симку она сменила и не поддерживала с Игорем никакой связи. Временами ее мучила совесть: все-таки он имел право знать о том, что станет отцом, и пару раз порывалась написать ему в ВКонтакте и договориться о встрече, но потом вспоминала пощечину и его злые черные глаза. Чужие

глаза. И убеждалась в правильности своего поступка, но каждую ночь все-равно плакала, потому что скучала.

Потому что по-прежнему любила.

...

Через месяц почти бессонных ночей, молчаливых слез в подушку и бесконечных расспросов тетки о том, когда же Игорь заберет Диану в родную Тверь, она попала в больницу на сохранение. В палате было душно, медсестры ходили с хмурыми лицами, а еда была отвратительной. Тетка пришла ее навестить всего один раз и принесла бутерброд с колбасой. На этом все. Диане было одиноко, а еще жутко страшно. По ночам ей снился нерожденный младенец. Она видела, как он становится синюшным и понимала, что тот умирает. После очередного кошмара, она и решила позвонить Игорю. Десять попыток дрожащими пальцами набрать родной номер. Десять пыток для ее израненного сердца. Десять шансов на то, что все будет хорошо. И тишина – телефон был выключен. И снова бессонная ночь, и боли внизу живота, а на утро случился выкидыш. Диана впала в депрессию и решила навсегда забыть Игоря. В смерти ребенка она винила его.

Новая жизнь началась с кардинальных перемен. Диана взяла фамилию своего родного отца – человека, которого почти не помнила: он бросил их с матерью, когда девочке было всего пять лет. Она жила с отчимом, пока в день совершеннолетия и он, и мама не погибли в автокатастрофе. Водитель ехавшей им навстречу фуры заснул за рулем – никто не вы-

жил. Но храня обиду на отца, Диана все же изменила первый слог его фамилии: вместо Борцовой стала Бурцовой. Затем последовали изменения во внешности: ее темно-русые волосы стали медовыми, а карие глаза – голубыми.

Все эти мучительные восемь лет она старалась жить дальше и у нее это неплохо получалось: боль, обида, сожаление – все давно прошло. Мать всегда говорила, что все, что ни делается, – к лучшему, и Диана честно пыталась заставить себя думать обо всем, с чем столкнула ее жизнь, с улыбкой и постепенно научилась это делать. Ей повезло: она все еще могла иметь детей и когда-нибудь могла стать счастливой. Диана верила, что сможет полюбить другого мужчину и встречалась со многими, но один Рома сумел пробудить в ней что-то похожее на привязанность, на теплоту. Иногда ей казалось, что она готова быть с ним всегда, но возвращение Игоря разрушило эту иллюзию. И каждый день, читая очередное письмо, она с радостью и с ужасом осознавала, что *ОН* самый родной и близкий для нее человек, и только *ОН* всегда был и будет ее настоящей любовью.

Несмотря ни на что.

Глава 7

Ира была завсегдаем одного из элитных тренажерных залов: проводила там пять дней в неделю по шесть, а то и по восемь часов. Александра спорт никогда не жаловала, но ради дела готова была договориться со знакомым администратором Ольгой и попотеть на беговой дорожке. Карточку VIP-клиента, с помощью которой можно было пройти в клуб, ей выдали всего на день в благодарность за оказанную ранее помощь и теперь, разгуливая по полупустому залу, детектив радовалась тому, что когда-то нашла похищенную сестру той самой Ольги.

Ирину она увидела сразу: светло-русое каре с ярко-малиновой повязкой и невероятно худую фигуру в золотистом и чрезмерно облегающем спортивном костюме невозможно было не заметить. Женщина заканчивала делать упражнения для укрепления грудных мышц, когда Александра, проходя мимо к беговой дорожке и глядя в пол, с возмущением обронила:

– Как Ромочка мог умереть?! Почему именно сейчас? Ах, Елесеев, Елесеев, и что мне теперь делать с твоими деньгами? Самой что ли купить яхту? А что скажут твои родители? А что скажет твоя сестра? Наверняка часть этих денег и им принадлежит! Ну что же мне делать?

– Девушка, вы не про Романа Елесеева говорите? – вспо-

лошилась Ира и, вскочив с тренажера, схватила Александру за руку.

– Ох, простите, – детектив подняла глаза и виновато посмотрела на собеседницу, – а мы с вами случайно не знакомы?

– Девушка, вы говорили про какие-то деньги...

– Мне точно знакомо ваше лицо, – Александра сделала вид, будто задумалась, – вы случайно не модель? Может актриса? Или нет, нет, подождите, я вас точно видела в каком-то журнале!

– Я Ирина Елесева, – недовольно произнесла женщина и еще крепче сжала руку детектива.

– Ох, простите, ради Бога. Я, я приношу свои искренние соболезнования.

– Вы говорили что-то о деньгах...

– Ваш брат был замечательным человеком, – продолжала Александра, игнорируя злой и буквально испепеляющий взгляд серых глаз, – Рома, Рома был таким добрым, чутким, щедрым. Он обещал мне купить яхту, подарить, вернее. Мне так жаль, что его не стало.

– Что за яхта и почему именно вам? Вы, собственно, кто такая? – Ирина теряла терпение. Это было заметно по ее надрывному голосу.

Детектив продолжала авантюру, но все-таки решила не врать насчет имени и дружелюбно ответила:

– Я частный детектив Александра Селиверстова.

Ира выглядела слегка растерянной:

– Кто? Частный детектив? Но кто вас нанял?

– Ромочка. Он хотел узнать, почему его сестра не сообщила, что на самом деле носит фамилию Пассажилова.

Такого белого лица Александре видеть еще не доводилось. Казалось, Ира вот-вот упадет в обморок: ее хватка ослабла, взгляд стал рассеянным, но уже через минуту женщина сумела взять себя в руки, отпустила детектива и сказала:

– Не понимаю, о чем вы, глупость какая-то. Все знают, что я дочь Елесеевых!

– Конечно, – согласилась детектив, – но понимаете в чем дело, – она перешла на шепот, – мне Ромочка говорил, будто встречался с ее настоящим отцом и тот показывал детские фотографии.

– Ерунда какая-то! – теперь она выглядела оскорбленной.

– Этот мужчина рассказывал про ее любимую куклу со светлыми длинными волосами. Ее звали Маша, точнее звали-то ее Маша, но его дочь до шести лет не выговаривала «ш» и поэтому называла ее Машя.

Детектив заметила едва уловимое изменение в серых глазах: в них промелькнул страх и продолжила:

– За нужную информацию Ромочка обещал мне яхту. Знаете, я ведь детектив так себе, но вот ради яхты могу придумать что угодно, например, сообщить в СМИ, что лже-сестра наняла Веселова Михаила Дмитриевича для, скажем

так, устранения брата. Доказательства, знаете ли, найдутся. Пресса, я думаю, легко поверит в подобную версию, так как убийцу все еще не нашли, а я со спокойной душой куплю себе яхту на те деньги, что Ромочка мне заплатил.

– Я его не убивала! – зло прошептала Ира, – и я действительно его сестра. А все, что вы сейчас говорите – бред.

– Бред или не бред решат Ромочкины родители и журналисты, но скандалчик выйдет знатный. Я так и вижу заголовки:

«Лже-сестра убивает брата!», «Скелеты в шкафу Елсеевых и вся правда о гибели бизнесмена!» Думаю, пресса не оставит вас в покое. Такое сразу после похорон... Нелегко вам придется.

Возникла тишина, и после продолжительного молчания Ира заговорила совсем другим тоном:

– Я, я действительно его не убивала, – она опустила глаза, руки сжались в замок, а плечи подрагивали. – Я его не убивала, не нужно скандала. Мама не вынесет – пресса добьет ее окончательно.

– Почему я должна верить в то, что вы не причастны к смерти Ромочки?

– Потому что я его любила. Но не как брата.

Они вышли к подземной парковке.

– Так вы признаетесь в том, что вы ему не родная сестра, – уточнила Александра, пока Ирина открывала водительскую дверь.

– Я признаюсь в том, что любила его, – грустно ответила та, садясь в машину, – и готова с вами поговорить, но у меня есть условие.

– И какое же?

– Я помогу выйти на убийцу, а вы отдадите мне деньги, которые Рома вам заплатил.

– Но Ромочка заплатил за информацию! Как я могу отдать вам деньги, если работу выполнила?

– Ромы больше нет, – она тяжело вздохнула, – и в ваших услугах он больше не нуждается. Вы можете работать на меня. Ну так что, вы согласны?

– Хотелось бы поподробнее все обсудить, – уклончиво ответила детектив.

– Тогда поехали.

...

Они остановились на пятом километре от КАДа в частном секторе поселка Ламбери – на территории небольшого, но с виду презентабельного коттеджа. Выходя из машины, Александра сразу обратила внимание на отсутствие камер, затем проверила сумочку: травматический пистолет и газовый баллончик были на месте. Если у Ирины действительно имеется преступный замысел, то они могут понадобиться.

– Чей это дом? – спросила детектив, проходя в светлую, но совсем не жилую кухню.

– Моего друга, – ответила та и открыла холодильник. На нижней полке лежали две бутылки хорошего красного вина и

аккуратно завернутая в пищевую пленку тарелка с разными видами сыра. На верхней стоял большой кекс с изюмом.

– Не густо, – заметила Александра, – ваш друг видимо здесь не слишком часто бывает.

– Да. Кекс будете?

– Я равнодушна к кексам, а вы любите изюм?

– Обожаю. Будете или нет? Или сразу перейдем к делу?

– Я тоже люблю изюм, в детстве его горстями ела. Ромочка смеялся, когда узнал об этом.

Ирина сделала вид будто не заметила этого уточнения, однако ее спина напряглась, а голос слегка дрогнул:

– Пусть кекс немного отогреется, а мы поговорим.

Она села в плетеное кресло и, улыбаясь, уставилась на Селиверстову:

– Итак, я могу посмотреть ваше удостоверение?

Александра, тоже улыбаясь, протянула корочку.

– Ага, – произнесла Ирина и затем добавила: – Значит, вы действительно детектив. Не знаю, где вы взяли эту глупую информацию насчет моей другой семьи из Сертолово, но никаких родителей, кроме Елесеевых у меня нет.

– Я же говорю, что не слишком хороший детектив. Но может вы назовете мне имя убийцы Ромочки?

– Ромочка, – скривилась Ирина, – никогда не понимала, что он находит в таких, как вы. Вы все такие... простые. Он заслуживал лучшую из женщин. Я должна была быть с ним, а не вы или тем более эта... Воду пить будете?

– Нет, спасибо.

– Правильно, можно чего и покрепче, – с этими словами Ира открыла холодильник и достала ближайшую бутылку вина.

– Так что вы скажете насчет имени убийцы? Мы ведь должны отомстить за Ромочкину смерть.

– А я уже это делаю, – злорадно улыбнулась женщина и взяла из шкафчика хрустальный бокал.

– Что вы имеете ввиду? Вы уже сообщили куда-то об убийце?

– Лучше. Я тоже наняла детектива. Он следит за ее домом.

– Ее? Ромочку убила мстительная любовница?

– Ага, мстительная невеста, к счастью, предложения он ей сделать не успел. Видите какое красивое, – и она продемонстрировала кольцо из белого золота с мелкими бриллиантами по верхнему краю. – Я его решила себе забрать. Она не достойна такого подарка, – Ира сделала глоток и затем добавила: – Я сообщаю вам ее имя, адрес и все, что удалось узнать моему детективу, а вы взамен соглашаетесь на меня работать.

– И что я должна буду делать?

– Следить за одной женщиной. Я думаю, она захочет прибрать к рукам сеть моей матери. Мама сейчас в таком состоянии, что ничего не соображает, а отец... – она сделала паузу и отрезала большой кусок кекса, – он слишком занят.

– Понимаю, – протянула Александра, а затем неожидан-

но наклонилась и понюхала выпечку. – Не ешьте его! – она резким движением выбила кекс из руки Ирины ровно в тот момент, когда губы той уже едва касались сдобы.

– Вы с ума сошли?!

– Скажите, у вас есть аллергия на арахис? И не врите.

– Допустим, но в кексе не должно быть арахиса, там изюм...

– А ваш друг знает про аллергию?

– Естественно!

Александра наклонилась и на глазах удивленной женщины выудила из сдобы жареный орешек:

– Тогда считайте, что я спасла вас от смерти.

Глава 8

Кекс уже не выглядел таким привлекательным, и Ирина молча делала один маленький глоток вина за другим.

– Вы так опьянеете, – заметила Александра, блуждая по кухне. Она рассматривала обстановку, отмечая современный дизайн, приятный для глаз зеленый цвет и в целом неплохой вкус дизайнера.

– Я, я не понимаю, – растерянно пробормотала женщина, – они не любят сладкое! Как этот кекс тут вообще оказался?!

– Для начала я предлагаю перестать лгать, – детектив провела пальцами по гладкой блестящей поверхности столешницы. – Вы прекращаете свою игру, а я свою.

Ирина молчала.

– Хорошо, – и с этими словами Селиверстова прошла в комнату, отмечая, что камер нет не только по периметру, но и ни в одном из помещений, а через секунду ее голос разнесся по всему дому: – Похоже, ваш друг носит черные стринги с кружевом! Или все же не друг? Вы собираетесь продолжать игру? Молчите? Тогда вам, наверно, и не слишком интересно кто оставил в холодильнике кекс! Ну что ж, вероятно, и тот факт, что он предназначался именно вам тоже не слишком вас волнует!

Александра вернулась на кухню:

– Поговорим откровенно или будете ждать, когда вас снова попытаются убить?

– Это глупо, – тихо произнесла Ирина, – кому это нужно? Вы ошибаетесь. Я уверена в этом.

– Вероятно тому, кто знает, что вы бываете в любовном гнездышке Виктора Владимировича Елесеева, – спокойно ответила детектив.

– Отца?

– Вы продолжаете играть свою роль? – Александра расположилась в таком же плетеном кресле напротив. – Хорошо. Тогда я сама все вам расскажу.

– Я вам все сказала, – женщина скрестила руки на груди.

Детектив открыла сумочку и вытащила из кармашка фотографию:

– Узнаете этого мужчину, может женщину? Или возможно девочку?

Ирина плотно сжала губы и отрицательно покачала головой.

– А вы невероятно похожи, – улыбнулась Селиверстова и ткнула пальцем в лицо ребенка. – Безусловно, Ира Пассажирова повзрослела, изменила цвет волос, прическу, но вот глаза, форма носа, бровей остались прежними. Подбородок тот же, овал лица, даже форма ушей! Они всегда у вас были чуть-чуть оттопырены, неправда ли? Молчите. А этот мужчина: у него и у девочки поразительное сходство не только во внешности, но и в строении тела. Вы посмотрите на эти по-

катые плечи! На мать девочка конечно похожа меньше: цветом волос и глаз. Ах, да, еще родинками чуть выше правого запястья – они составляют такой ровный, красивый треугольник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.